

Загадай любовь

Автор:

Ася Лавринович

Загадай любовь

Ася Лавринович

Young Adult. Инстахит. Романтика

Неразделенная любовь – это проблема, и еще какая! Наташа Зуева знает об этом не понаслышке, ведь она безответно влюблена.

Накануне новогодних праздников может случиться настоящее чудо. Наташа вместе с классом проведет зимние каникулы на прекрасном горнолыжном курорте. Какая девушка откажется встретить Новый год с парнем своей мечты? И неважно, что предмет воздыханий Наташи совершенно не подозревает о ее чувствах.

Казалось, никто и ничто не сможет испортить ей праздник. Разве только ненавистный Тимур Макеев, самодовольный парень и главный прогульщик в школе.

Ася Лавринович

Загадай любовь

© Ася Лавринович, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Плей-лист

Yellow Days – A Little While

Наставшев/Лубенников – Изнемог

The Cinematic Orchestra – To Build a Home

Перемотка – Как тебя покорить

Coldplay – Hypnotised

Sirotkin – Навсегда

Lewis Capaldi – Before You Go

Ляпис Трубецкой – Огоньки

U2 – With or Without You

ANIKV feat. SALUKI – Меня не будет

Olafur Arnalds – Happiness Does Not Wait

Нина Бродская – Звенит январская вьюга

Michael Kiwanuka – Love & Hate

Свидания – Февраля

Tame Impala – Yes I'm changing

Земфира – Пальто

Глава первая

Все девчонки в нашем классе мечтают выйти замуж за Антона Владимировича. А те, которые говорят, что такого в их мечтах нет, просто нагло врут. Потому что в нашего географа – Золотухина Антона Владимировича, – которого я втайне от всех зову просто Золотко, нельзя не влюбиться.

Новый учитель географии, недавний выпускник педвуза, появился в нашей школе в начале учебного года, но уже успел покорить не одно женское сердце. Не только старшеклассницы вздыхали по Антону Владимировичу, но и добрая половина педагогического состава. Особенно это, конечно, касалось молодых учительниц начальных классов. Они-то и представляли для меня максимальную угрозу. Хотя и взрослые училки уж слишком настойчиво опекали Золотко. Я не раз слышала, как в столовой русичка Ирина Федоровна приветливо выкрикивала:

– Антон Владимирович, идите к нам! Мы вам место заняли. А Тамара Константиновна свежие слойки принесла...

А еще после уроков Ирина Федоровна зазывала Золотко к себе на чаепитие. Разумеется, Антон Владимирович не мог ей отказать. Потому что он галантный, воспитанный и, возможно, иногда слишком мягкий с коллегами. Ну не может человек отказать женщинам. Тем более женщинам в возрасте, таким как Ирина Федоровна. У них же чудовищная разница в возрасте – лет пятнадцать! Русичке уже под сорок, а она все с молодыми парнями заигрывает...

Конечно, у нас с Золотком тоже немалая разница – целых семь лет. Для кого-то это покажется незначительным препятствием к большой и чистой любви, но в моем возрасте – это целая пропасть. Поэтому пока я даже не предпринимаю никаких попыток завязать отношения со взрослым красивым парнем, который к тому же ведет у нашего одиннадцатого географию. Поэтому остается мне, как и всем моим одноклассницам, сидеть на уроках, подперев кулаком щеку, и мечтательным взглядом гипнотизировать Золотко...

Сегодня Антон Владимирович, как и обычно, одет с иголочки. Эх, я бы все на свете отдала за то, чтобы мой будущий парень (если им все-таки не станет Золотко) был хоть на сотую долю таким же стильным, как наш географ. С зачесанными назад волнистыми волосами цвета шоколада и пронзительными голубыми глазами. Такими чистыми, как весеннее небо.

А еще у географа просто умопомрачительный парфюм. От него можно с катушек слететь. Еле уловимый, но терпкий. Этот запах обычно чувствуешь, только если находишься близко-близко к Антону Владимировичу, например, когда, как староста класса, ждешь, пока географ заполнит журнал. Все-таки есть у старост бонусы.

Одно время я была одержима этим запахом и даже хотела приобрести такую же туалетную воду, чтобы пользоваться ей самой. Правда, название я так и не осмелилась у него спросить. Это было бы странно. Тогда я пристала с расспросами к девчонкам, не знают ли они, чем душится наш географ. Моя лучшая подруга и соседка по парте, Яна Казанцева, сказала, что у меня просто гормоны бушуют. Для семнадцати лет это нормально. Мне бы мою энергию направить в мирное русло... Помню, как я обиделась на Яну за эти слова. Мы потом не разговаривали пару дней и помирились только на контрольной по химии, потому что обе в этом предмете тупы как пробки и нам нужно было скооперироваться. Видимо, чтобы удвоить свою тупость... Но равнодушие Янки к моей несбыточной мечте меня обижало. Все-таки тяжело, когда близкие тебя не понимают и не воспринимают твои проблемы всерьез. А неразделенная любовь – это проблема. И еще какая! Без взаимности душа плачет, скулит, пустеет. Как Янка этого не понимает?

Я снова так замечталась о Золотке, что не сразу открыла тетрадь по географии. Только когда Яна бесцеремонно пихнула меня локтем, отмерла.

– Наташ, хорош на географа слюни пускать, записывай тему, – сказала мне подруга. И, как мне показалось, сказала как-то чересчур громко. Я смутилась и осмотрелась по сторонам. Но все были увлечены своими делами, и никто не обращал на нас с Яной внимания.

– Можешь это еще громче сказать? – все же буркнула я. – А то, боюсь, Антон Владимирович не расслышал.

Янка равнодушно пожала плечами. Тема урока – «Австралия. Комплексная характеристика страны». Я быстро все записала и снова отложила ручку. Австралия интересовала меня намного меньше, чем наш географ.

И хотя мы с Яной больше не разговаривали, Антон Владимирович смотрел в нашу сторону, и пару раз я встретилась с ним взглядом. Оттого сильно разнервничалась и демонстративно уставилась в окно. Каждый раз, когда я замечала на себе взгляд географа, я становилась смущенной и чуточку счастливой. Разумеется, взгляды остальных учителей меня так не волновали. Разве что старый математик внушал ужас, потому что к алгебре и геометрии я приходила обычно не особо подготовленной. Не сдержавшись, я посмотрела в сторону учительского стола и снова встретилась с парой голубых глаз. Пока все что-то записывали, Антон Владимирович, явно о чем-то задумавшись,

гипнотизировал взглядом нашу с Янкой парту. Я опустила глаза и уставилась в раскрытую тетрадь. От волнения натянула на ладони манжеты пудрово-розовой рубашки. Это была моя любимая рубашка, и, по словам мамы, она очень шла к моим каштановым волосам и светлым глазам. К этой рубашке я подобрала нежные тени и стянула волосы лентой в тон рубашки. Каждый раз, когда в расписании стоял урок географии, я вставала заранее и целый час наводила перед зеркалом красоту. Мама искренне удивлялась, почему в один день я могу безжалостно проспять школу и выскочить из дома, едва почистив зубы, а в другой день навожу марафет, словно собираюсь на свидание. Но ведь так и было... Я и собиралась на свидание. Безмолвное «свидание» с Антоном Владимировичем, который за весь урок мог всего лишь раз бросить равнодушный взгляд в мою сторону. А может, и не равнодушный?..

Не знаю, замечали ли остальные одноклассники, что пару раз в неделю я приходила в школу особенно нарядной и хорошенькой, и догадывались ли они, в чем дело... Мне плевать. Только Янка быстро просекла «фишку» и часто с самого утра подкалывала меня на эту тему. Но на Казанцеву я не обижалась. Яна – своя.

И все-таки я волновалась. Антон Владимирович сегодня смотрел в мою сторону чаще обычного. Поэтому я непроизвольно нахмурилась и снова уставилась в окно, за которым медленно пролетали одинокие крупные снежинки. Они парили в воздухе, не опускаясь на землю. Уже начало декабря, а снега в городе так и нет. На улице уже рассвело, поэтому Антон Владимирович попросил ребят с первой парты третьего ряда выключить свет в классе. За это я нашего географа тоже была готова расцеловать. Больше всего на свете меня раздражает, когда к естественному свету добавляют искусственный... Моя мама имеет привычку летом, когда еще даже не стемнело, зажигать дома все лампы. Сразу какое-то грустное и непонятное состояние. Когда на улице светло, из-за искусственного света впадаешь в уныние...

Крупные снежинки налипали на окна и тут же таяли. Антон Владимирович убаюкивающе рассказывал нам об огромных пустынях Австралии. Тембр голоса у географа мягкий и приятный. Слушать его лекции – одно удовольствие. Даже Янка притихла. Хотя обычно она пропускает все мимо ушей и торчит на уроках в телефоне.

Однако вскоре утренняя идиллия была нарушена. Сначала перестали сыпать снежинки с неба, а потом дверь кабинета с противным треском отворилась, и на пороге появилась тучная Виола Леонидовна – наш завуч. Антон Владимирович

тут же замолчал, и мы все уставились на Виолу в ожидании сообщения. Кто-то, как полагается, поднялся с места, но Виола Леонидовна тут же замахала руками – мол, сидите-сидите, я на секундочку.

– Доброе утро, ребята, – поздоровалась она.

Мы поздоровались в ответ – лениво и вразнобой. Многие с утра были в полусонном состоянии. Несмотря на всеобщую любовь к Антону Владимировичу, не всех воодушевляла география первым уроком. Многие еще клевали носом.

– Антон Владимирович, а я вот вам прогульщика привела, – довольным голосом произнесла Виола Леонидовна и потянула кого-то за рукав. Вслед за завучем в классе нарисовался Тимур Макеев. Как обычно, недовольный, будто ему все на свете должны. – Вот, пожалуйста! Слонялся по коридору.

– И еще бы послонялся немного, – сказал Макеев.

– Ты мне поговори! – погрозила пальцем Виола. Она не отпускала рукав Тимура.

– Спасибо, Виола Леонидовна, – усталым голосом произнес Антон Владимирович.

Макеев с завидной регулярностью прогуливал уроки географии, как, впрочем, и остальные гуманитарные предметы. Он у нас вроде как числился техническим гением, был на хорошем счету у физики и математика, а вот на остальные уроки откровенно забил.

И если другие учителя давно привыкли к выкрутасам Макеева и махнули на его прогулы рукой, то мое Золотко явно задевала такая нелюбовь к его предмету. Антон Владимирович всякий раз, вступая в спор с Тимуром, становился отстраненным и даже немного грустным. Конечно, невозможно нравиться всем. Но когда тебя так демонстративно игнорируют – это очень обидно. Ведь географ-то наш – педагог просто отличный! Его все любят... Ну, а я – больше всех.

– Ладно, я пошла, – сообщила нам Виола. Причем таким ехидным тоном, будто мы могли начать умолять ее остаться. Наконец она отпустила рукав Макеева, и тот молча прошел к своему месту. Антон Владимирович проводил Тимура

печальным взглядом, от которого у меня сжалось сердце. Макеев – просто бездушная скотина! Так изводить молодого учителя. Я обернулась к парте Тимура и сердито посмотрела на одноклассника. К тому же я вспомнила, что он еще несколько дней назад по моей просьбе должен был подать заявку на городскую олимпиаду по физике, но до сих пор этого не сделал. А ведь я, как староста класса, должна все заявки проконтролировать. Я от злости только зубами скрипнула. Маке-е-ев! Невозможный человек! Но Тимуру на мои гневные взгляды, разумеется, было плевать. Он сидел за пустой партой и даже учебник географии доставать не собирался. Кому и что он пытается все время доказать?

- Ты решила в них обоих дырку взглядом протереть? – склонилась ко мне Яна.

- Терпеть его не могу, – сказала я.

- Кого? Макеева? Что он конкретно тебе сделал? – удивилась Казанцева.

- Ты не понимаешь! – горячо воскликнула я.

Янка действительно не понимала. Ей было плевать на то, кто портит Золотку настроение. Да и я в двух словах не могла объяснить, из-за чего злюсь на одноклассника. Поэтому только отмахнулась.

Виола Леонидовна между тем благополучно ушла, а Антон Владимирович устало обратился к Макееву:

- Тимур, какая сегодня причина для прогула моего предмета?

- Все та же, – равнодушно ответил Макеев. – Мне не хотелось сюда приходить.

И если мои одноклассники уже привыкли к выходкам Макеева, я в возмущении заерзала на месте. Янка снисходительно покосилась в мою сторону, а затем снова уставилась в телефон.

- Вот почему он так с Антоном?.. – склонилась теперь я к уху подруги.

- Твой Антон – взрослый мужик, – усмехнулась Казанцева. – Переживет.

Мне снова показалось, что Яна произнесла это слишком громко, поэтому я отстала от нее. Продолжим этот разговор как-нибудь в другой раз и желательно – не в кабинете географии.

Оставшаяся половина урока прошла совсем не радужно. Было заметно, что грубость Макеева все-таки выбила Антона Владимировича из колеи. Теперь наш географ все меньше говорил, а мы – все больше переписывали в тетрадь огромные абзацы из учебника. Но я не обижалась на Антона Владимировича. Кому понравится, когда к твоему предмету относятся так пренебрежительно? Да и кто? Несмышленный малолетка!

Я все никак не могла справиться со своей злостью. То и дело оборачивалась к Тимуру и награждала его презрительным взглядом. Он так и не разложил вещи и сидел с нарочито равнодушным видом, но Антон Владимирович не делал ему замечаний. Один раз мы с Макеевым все-таки встретились глазами. Одноклассник посмотрел на меня в ответ так же недружелюбно, исподлобья, как и я на него. В ту секунду я и решила, что после урока обязательно допеку Тимура по поводу заявки на олимпиаду. Чтобы жизнь медом не казалась. Привык, что все ему сходит с рук...

Я еле вытерпела до конца урока. Когда прозвенел звонок, первой вскочила из-за парты. Яна удивленно подняла на меня глаза.

– Наташ, ты чего?

Но вместо ответа я принялась заталкивать тетрадь и учебник в рюкзак.

– Потом объясню, – пообещала я.

Мне еще нужно успеть вещи собрать, в то время как Макееву и собирать нечего. Кто его знает, вдруг он снова решит свинтить с уроков? А заявка на олимпиаду? Классная с меня шкуру спустит!

Я даже толком не попрощалась с Антоном Владимировичем – так поспешно пришлось покинуть класс. Потому что Макеев будто чувствовал, что я имею на него виды. А может, действительно догадался. Все-таки я пол-урока на него недобро пялилась.

Когда я выскочила из кабинета, Тимур уже быстрым шагом направлялся к лестнице.

- Макеев! - выкрикнула я. Но одноклассник сделал вид, что не слышит меня. Тогда я понеслась вслед за Тимуром. А этот гад, как назло, только прибавил ходу. Пришлось сбегать за ним по лестнице, маневрируя между другими ребятами.

- Тимур! - снова закричала я.

Макеев обернулся, теперь уж точно заметил меня - и нарочно побежал дальше. Чертыхнувшись, я поскакала за ним, минуя сразу пару ступеней. Один раз чуть не навернулась.

Догнала я Макеева только на первом этаже возле столовой. Схватила за руку точно так же, как сделала это сегодня Виола, и возмущенно рявкнула:

- Ты почему от меня убегаешь?

- А ты почему за мной гонишься? - спросил Макеев.

Я, стараясь отдышаться, наградила его убийственным взглядом. Тимур смотрел на меня насмешливо сверху вниз, и в его темно-карих глазах я увидела себя - маленькую и очень рассерженную.

- Олимпиада... - выдохнула я. - По...

- По физике, - услужливо подсказал мне Макеев.

- Ага. Ты... ты должен был...

- Подать заявку, - снова добавил Тимур.

- Подать заявку, - как попугай повторила я. И зачем-то кивнула. Этот кивок я снова разглядела в карих глазах Макеева. - Почему ты этого до сих пор не сделал?

– Потому что не хочу, – ответил Тимур так же прямо, как отвечал на вопрос Антона Владимировича о своем прогуле.

– То есть как это – не хочешь? – снова возмутилась я. – А если надо?

– Кому надо? – вдруг улыбнулся Макеев, и тогда я совсем растерялась от его наглости.

– Школе, – пролепетала я.

– Но не мне же.

– Как у тебя все просто! – вскипела я. – Знаешь, Макеев, в этой жизни у людей есть не только права, но и обязанности!

– Вот и исполняй свои обязанности, что ты в меня-то вцепилась? – Макеев перестал улыбаться. И, похоже, тоже уже начинал злиться.

– Да нужен ты мне! – рассердилась я в ответ. – Просто подай заявку, и я от тебя отстану...

Макеев дернулся было в сторону, чтобы просто молча от меня уйти, но не тут-то было. Я крепче схватила его за руку и потянула на себя с новой силой.

– Макеев!

– Что, Зуева? Ты мне так руку оторвешь.

– Ой, прости! – отозвалась я: действительно немного не рассчитала силы.

– Да ничего страшного, – нарочито любезно отозвался Тимур. – Если что, у меня есть вторая.

В коридоре стоял гомон, да еще и у меня от возмущения в ушах гудело. Я не замечала ничего вокруг, только как дура пялилась на свое отражение в глазах Макеева, отчего-то не в силах отвести взгляд. Поэтому-то и не заметила, как

рядом с нами оказался Антон Владимирович. Тимур первым его увидел, потому как вид его стал еще более недовольным, чем обычно. Я обернулась и тоже уставилась на географа. Тут же сообразила, что до сих пор держу Макеева за руку. Будто за гипнотизировал меня, гаденыш! Я поспешно отпустила руку Тимура, а тот нервным движением провел рукой по ежику светлых волос.

– Наташа, как хорошо, что я вас здесь встретил, – сказал Антон Владимирович, одарив при этом Макеева неприветливым взглядом. – Вы так быстро убежали после урока...

– Простите, – выдавила я из себя. Хотя, конечно, ничего плохого я не сделала. Откуда мне было знать, что я могу понадобится Золотку? Как обычно, в присутствии Антона Владимировича у меня начали потеть ладони. Какой же он красивый! Почему он так хорош собой, а я так молода, да к тому же – его ученица? Жизнь несправедлива!

– Ну что вы, зачем извиняться, – улыбнулся Антон Владимирович. – Сколько у вас сегодня уроков?

– Шесть, – ответил вместо меня Макеев. Я в это время уже плыла от очаровательной улыбки географа.

– Отлично, – сказал Антон Владимирович, глядя при этом на меня. Тимура он теперь игнорировал. – Тогда подойдите ко мне, Наташа, после уроков. Есть дело. Очень вас прошу!

Долго и «очень» упрашивать меня не пришлось. Я тут же послушно закивала, до сих пор не веря своему счастью. Мы останемся одни! Тет-а-тет! Но для чего?..

Когда Антон Владимирович скрылся из виду, мы с Тимуром снова схлестнулись взглядами. Молча пялились друг на друга до тех пор, пока не прозвенел звонок на следующий урок.

– Поздравляю, – наконец произнес Тимур.

– С чем? – удивилась я.

– А ты подумай своей черепушкой, Зуева, – усмехнулся одноклассник.

У меня тут же вспыхнули щеки. Он знает! Знает, почему я ношу по вторникам и четвергам нарядные блузки и заплетаю ленты в косу... Но какое ему до этого дело?

– Не забудь про заявку, – буркнула я, первой направляясь к лестнице.

Плевать на то, что вообразил себе Макеев. Главное – не это. Ведь Антон Владимирович будет сегодня ждать меня после уроков.

* * *

Холодный ветер подгонял меня вперед, мокрые снежинки налипли на ресницы и брови, а под ногами хлюпала каша из растаявшего снега. Но непогода ничуть не портила настроение. Щеки мои горели, а глаза наверняка искрились, как декабрьский снег.

Да, наш разговор с Антоном Владимировичем был слишком формальным и коротким. Географ рассказал, что у него появилась идея отправиться вместе с нашим классом на Новый год за город в огромный гостевой дом к своему приятелю. Есть в нашей области такое чудесное место – Васильево. Там горы, ели и самый чистый воздух. Доехать до поселка можно на электричке. Но самое главное – рядом с дачным поселком приятеля в Васильево есть отличный горнолыжный курорт. И если нашему классу интересно...

Не знаю, как «нашему классу», а я от счастья чуть не закричала. Встретить Новый год со своей пусть и не сбывшейся, но все-таки мечтой... Это ли не праздничное чудо? Кажется, я дала ответ еще до того, как Антон Владимирович успел закончить фразу. Мой энтузиазм наверняка сбил молодого учителя с толку, потому как он смутился и сбивчиво продолжил:

– Конечно, нужно еще поговорить с вашим классным руководителем. И у ребят поспрашивать. Поэтому я вас, Наташа, и пригласил как старосту класса...

– Да, да, да, – с готовностью закивала я, снова перебив. – Все понимаю. Я обязательно со всеми поговорю!

Смущающийся Антон Владимирович нравился мне еще больше. Это очаровательно: иногда он краснел, как школьник. И когда его приглашали за свой стол учителя, угощая слойками; и когда кто-то с восторгом отзывался о его предмете или же смотрел на него с нескрываемым восхищением, вот как я в эту минуту. Конечно, мне нужно быть сдержаннее, но я никогда не умела скрывать своих эмоций.

– Вот и замечательно, – пробормотал Антон Владимирович. – Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа.

Так и сказал. Я всегда это знал. На-та-ша... Из его уст мое имя прозвучало так мягко и по-доброму. Конечно, Янка бы сейчас сказала, что я все надумываю. И «Наташа» он произносит точно так же, как и все остальные. Но я сердцем чувствовала: здесь другое. Куда приятнее мне было услышать «Могу на вас рассчитывать, Наташа» от Антона Владимировича, чем «А ты подумай своей черепушкой, Зуева» от Макеева.

Внезапно разыгравшаяся вьюга подгоняла меня к дому. Снег все падал и падал, но при плюсовой температуре практически тут же таял. Забежав в подъезд, я отряхнула куртку и потерла замерзшие руки одну о другую. Я всегда забываю дома перчатки. Хотя моя старшая сестра, Алина, тысячу раз мне говорила о том, как важно ухаживать за руками смолоду, увлажнять их кремами и носить зимой перчатки.

Не дожидаясь лифта, я побежала по лестнице, наспех поприветствовав встретившуюся на моем пути соседку с третьего этажа. В голове все крутилось: «Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа...», и от этого хотелось счастливо распевать песни. Если дома никого не будет, я врублю музыку и все-таки спою. Мне нравилось оставаться дома одной. Жаль, что мне редко выпадала такая удача. Только отец до вечера засиживался на работе. Мама – фрилансер-переводчик – целыми днями торчала у компа. Сестра особо нигде не задерживалась и, как прилежная девочка, после института сразу спешила домой. Не удивлюсь, если она за всю жизнь даже ни разу не прогуливала учебу. То ли дело мы с девчонками. Вместо физики легко можем завалиться в «Мак» и поесть картошки с чизбургером.

Однако сегодня и у мамы, и у сестры намечались какие-то дела, и надежда побыть одной у меня все еще теплилась. Я отворила ключом дверь и

прислушалась. Из кухни доносился смех Алины и монотонный мужской голос. Расслышав его, я почувствовала, как сердце мое упало.

Глава вторая

Алина училась на третьем курсе филологического факультета и по праву считалась его гордостью. Она и в школе была лучшей ученицей в классе, а в институте стала самой перспективной студенткой своего потока. Но это не означает, что моя сестра – страшная зануда и синий чулок. Алина – идеальная дочь, которая все и всегда успевает. Прилежно учится, поддерживает порядок в квартире, не имеет вредных привычек, знает себе цену. Конечно, родители Алиной страшно гордятся, и редко какая взбучка по поводу моего поведения обходится без фразы: «Посмотри на свою сестру...»

Алина у нас красивая: высокая, с темно-русыми длинными волосами и синими-синими глазами. У моей сестры всегда было много ухажеров, но никто долгое время не мог покорить ее сердце. Все изменилось прошлой зимой, когда к ним в институт перевелся красавчик Эдуард Кравец. Эдик учился на курс старше. Ему с первого взгляда понравилась Алина, а Алине понравился Эдик... Моим родителям Кравец тоже с первого взгляда приглянулся. Да так сильно, что они практически сразу принялись называть его в шутку «зятьком». Алина только счастливо хихикала, потому как не прочь была выйти за Эдика замуж. И он действительно этой осенью сделал моей сестре предложение. Алина не могла отказать Эдику. Все были просто счастливы. Все, кроме меня. Потому что я этого Эдика просто не перевариваю.

А началось все летом, когда я вернулась из английского лагеря. Мама тогда долго ахала и охала, как я повзрослела за лето, загорела, изменилась... И вообще теперь я настоящая невеста! Я и правда здорово вытянулась за лето. И разглядела в себе что-то такое, чего не было раньше. Появилась во мне какая-то манкость и загадочность. Это меня одновременно и радовало, и страшно пугало. Тогда же я и начала замечать на себе внимательные взгляды Эдика, от которых мне становилось неудобно. Правда, складывалось впечатление, что эти красноречивые взгляды от Кравца замечаю только я. Родители и Алина продолжали восхищаться умницей Эдиком, а сам Кравец с завидной регулярностью стал появляться у нас дома.

Осенью, перед тем как поступило предложение руки и сердца, Эдик и Алина сильно поссорились, и я наконец вздохнула с облегчением. Не знаю, что у них там произошло (с сестрой мы никогда особо не были близки, и она редко что-то мне рассказывала), но Кравец прекратил заходить к нам в гости. И это были две счастливейшие недели в моей жизни. Правда, Алина все это время слонялась по квартире как смерть. Бледная, лохматая, убитая горем... А потом Эдик снова появился у нас. Встал на колени и достал из кармана пиджака кольцо. Родители и Алина были на седьмом небе от счастья. А мне хотелось рычать от злости. Потому что странные взгляды в мою сторону, несмотря на предложение, не прекратились.

- Ой, вроде там Натуся пришла, - слышался из кухни довольный голос Алины.

Я внутренне съежилась. Мне хотелось незаметно прошмыгнуть в свою комнату, не встречаясь с сестрой и ее женишком.

- Натуся! - будто нарочно закричала Алина. - Иди к нам! Эдик такие мандарины принес. Целый ящик!

Я тяжело вздохнула. Скинула кроссовки, повесила пуховик на крючок. Да так и замерла на месте, не решаясь пройти на кухню. Алина все-таки выглянула в коридор.

- Натусь, ну ты где? Ты опять в кроссовках ходила? А мои сапоги замшевые? Те, что мне по размеру не подошли.

С самого детства я ненавидела донашивать одежду за старшей сестрой. Потому что мы совершенно разные. Алина любит строгость и консервативность во всем, а мне подавай свободу и яркие краски. Как хорошо, что с возрастом вещи сестры перепали мне все реже. Но иногда случались исключения.

Я не ответила на вопрос про кроссовки. Снега ведь еще толком нет, чего пристали? Кроссовки - самая классная и универсальная обувь на свете.

- Ты ведь знаешь, как папа бы тебя назвал? - добродушно рассмеялась Алина. Она всегда была такой смешливой и веселой, когда Эдик был у нас в гостях.

- Знаю, знаю, – буркнула я. – Шарик в кедах из «Простоквашино».

- Вот-вот, – не переставала улыбаться сестра. А потом вдруг подбежала ко мне и потянула за руку. – Ну, идем же! Там Эдик ждет... Неприлично.

«Неприлично на младшую сестру своей невесты пялиться», – с раздражением подумала я. Но все-таки покорно последовала за Алиной.

Эдик расселся за столом, будто был хозяином в доме. Как обычно, пижон пижоном – с идеальной укладкой, в теплой водолазке и шерстяных модных брюках. Он привычно поправил вихор светлых волос и уставился на меня пронзительными зелеными глазами. Я тут же отвела взгляд.

- Привет, – первым поздоровался Эдик.

- Здравствуйте, – буркнула я.

Алина словно не замечала всей этой неловкости. Все так же счастливо улыбаясь, указала на стол. На нем стояла огромная тарелка с мандаринами.

- Вот! Картина «Создаем новогоднее настроение», – сказала сестра.

- До Нового года еще почти месяц, – возразила я.

- Не будь занудой, – привычно отмахнулась сестра. – Сегодня первый снег как раз пошел. Всех поздравляю!

Мы с Эдиком молчали. Мне хотелось как можно скорее испариться с кухни, несмотря на то что после школы неплохо было бы пообедать.

- Угощайся. – Эдик придвинул ко мне тарелку с мандаринами.

- Спасибо, не хочу. У меня на них аллергия.

- Впервые слышу! – отозвалась Алина. – И давно?

– С прошлого года, – не моргнув глазом соврала я.

– Я совсем о тебе ничего не знаю, – расстроилась сестра. – Мы мало общаемся. Хочешь, в выходные вместе с нами на горнолыжку? Там уже снега по колено.

– Нормально мы общаемся, – поспешно возразила я. Мысль о том, что можно провести целый уик-энд в компании Эдика привела меня в ужас. – Ладно, мне пора.

Когда я вышла в коридор, из кухни снова послышался довольный смешок Алины. А меня снова накрыло. Неужели она ничего не замечает? Или мне все только кажется? В любом случае оставаться дома желания не было. Я пробралась к вешалке и нашла в кармане телефон. Эдик Эдиком, а мне предстоит рассказать подругам кое о чем важном – предстоящей поездке за город с Золотком...

В телефоне я открыла мессенджер и сбросила в общий чат сообщение: «Девочки, внимание! Код «Красный». Подруги должны понять: нам пора встретиться.

* * *

Каждый раз мы собираемся в «Макдоналдсе» за углом школы, чтобы обсудить насущные проблемы. Встречаемся у входа и вместе заходим в ресторанчик, чтобы выбрать лучший столик. По счастливой случайности чаще всего нам удается занять один и тот же – у окна. И вот сейчас мы снова уминаем картофель фри и смотрим на суетящийся город, в то время как за окном бесшумно падает снег. За день ему все-таки удалось принарядить декабрьские улицы – снег припорошил дороги, навис на деревьях и проводах. И сразу стало так нарядно и празднично вокруг. Даже дурные мысли по поводу Эдика куда-то улетучились. Теперь я думала об одном: об Антоне Владимировиче и нашей поездке за город.

Мои подруги – одноклассница и соседка по парте Яна Казанцева (часто слишком саркастичная и ядовитая мадам) и добродушные близняшки Снежана и Милана, которые учатся в параллельном одиннадцатом и являют собой полную противоположность Янке. Казанцева – высокая (выше нас троих почти на целую голову), с темным хвостом и косой челкой, спадающей на глаза. Одевается Яна,

как и моя сестра, очень уж консервативно. В вязаные пуловеры и строгие брюки. Близняшки же – обе белокурые и кудрявые, волосы по плечи. Они любят одеваться ярко и привлекать к себе внимание. Смешливые, несерьезные и крайне озабоченные чужими делами. Моими в частности.

– Ну, рассказывай! – потребовала Снежана.

– Что у тебя стряслось? – добавила Милана. – Ты из-за Золотка нас пригласила?

Конечно, моя безответная любовь к географу не была для подруг секретом. Сначала об этом догадалась Яна, а потом пришлось признаться и близнецам. Потому что держать в себе большие светлые чувства у меня не было никаких сил.

– Видели бы вы, как Зуева сегодня опять вырядилась, – подала голос Янка. – Как на парад.

Я показала подруге язык и потянулась за чизбургером. Налетела на него, будто была с голодного края. Девчонки, судя по всему, успели пообедать дома, поэтому ограничились молочными коктейлями.

– Осторожно, не подавись, – предупредила Снежана, озадаченно поглядывая на меня из-за того, как я поспешно ем.

– Жуй лучше, – присоединилась к ней Милана. – Ты дома не ела, что ли?

Я помотала головой.

– Не успела, – ответила я с набитым ртом. – К нам этот приехал... Эдик. С ящиком мандаринов.

– Как Чебурашка, что ли? – рассмеялась Яна.

– Ну, – сердито отозвалась я. – Будь он неладен.

– По-прежнему пялится? – сочувствующе спросила Снежана.

– А то как же!

– Почему ты не расскажешь об этом родителям или сестре? – спросила Янка.

Я растерялась.

– Так ведь пялится всего лишь... Не пристаёт же, – наконец ответила я.

Рассказать родителям о своих опасениях казалось мне чем-то постыдным и гадким. А если они не поверят? Алина так точно не поверила бы. Еще и выдумала бы себе чего-нибудь... Она очень впечатлительная. Домашние ведь никогда меня не воспринимают всерьез. «Наташа, не выдумывай глупости!» – слышу я на все свои предположения. А ведь этого Эдика вся моя семья просто боготворит.

Яна наблюдала за тем, как я ем, и только неодобрительно качала головой.

– Нет, ты все-таки подумай над тем, чтобы рассказать все хотя бы маме. Она вроде у тебя адекватная.

– У тебя замечательная мама, – согласилась Снежана.

– Самая лучшая! – добавила Милана.

Я в ответ усмехнулась.

– А Наташа у нас не хочет решать проблемы, – наставительным тоном продолжила Казанцева. – Она хочет носить красивые блузки и на уроках пускать слюни на географа.

– Что плохого тебе сделали красивые блузки и географ? – возмутилась я.

– Голова тебе для чего?

– Вот для этого, – сказала я, обмакнув пару картофельных долек в горчичный соус и отправив их в рот.

Близняшки заулыбались, а вот Янке было не до смеха. Но мне не хотелось говорить об Эдике. Эта тема была для меня неприятной, запретной и какой-то пугающей. В конце концов, для чего мы тут собрались? Обсуждать слизняка Кравеца? Ну уж нет! Поэтому я, напомним, что не хочу говорить о женихе моей сестры, перешла к главному – предложению Антона Владимировича встретить Новый год всем классом.

– Думаю, из вашего класса тоже желающие найдутся, – с энтузиазмом сообщила я близняшкам после рассказа о предстоящей поездке. – Конечно, все это так волнительно и ответственно... Ведь это мне нужно организовать сбор.

– Странно, а почему это он тебе предложил этим заняться? – сощурившись, спросила Яна.

Я покраснела.

– Наверное, понял, что я не подведу.

«Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать, Наташа...»

– Все-таки я староста класса, – добавила я.

Почему-то в школе взрослые относились ко мне совсем по-другому, нежели родные. В классе я производила впечатление самого ответственного человека. А вот дома мне мама даже не позволяла ухаживать за цветами, боясь, что из-за меня они могут погибнуть. Цветами и уютом у нас в семье занималась только Алиночка.

– Поэтому ты моталась к нему в кабинет после уроков? – уточнила Яна.

– Ну, да.

– Когда он тебя позвать-то успел? После географии ты из кабинета выскочила как ошпаренная.

– Так на перемене, – принялась объяснять я. – Как раз, когда я Макеева с олимпиадой пыталась.

- Макеева? – отозвалась Снежана.

- Это тот короткостриженный блондинчик из вашего класса?

- Ага, – помрачнела я, вспомнив, как Тимур поздравил меня с «тет-а-тетом» с географом.

- Он хорошенький, – кивнула Милана.

- Он – чудовище! – скривилась я.

Близняшки удивленно посмотрели на меня.

- ТERRORизирует бедного Золотка и прогуливает его уроки, – пояснила за меня Яна.

- М-м-м, – промычали сестры, красноречиво переглянувшись. Подруги считали мою увлеченность географом маниакальной.

А Янка вдруг начала хихикать.

- Ты чего? – удивилась я.

- До сих пор не могу забыть, как ты на Новый год Макееву подарила полкоробки шоколадных конфет, – сквозь смех проговорила Казанцева.

- Ой, да я там съела всего-то пару штук! – запротестовала я. Но, подумав, криво улыбнулась: – Ладно, штук пять...

Эта история произошла в седьмом классе. Тогда мы впервые играли в «Тайного Санту», и мне в «подопечные» достался Тимур Макеев. О «Санте» я начисто забыла до того дня, когда подарок нужно было нести в школу. Тогда я взяла из серванта первую попавшуюся коробку конфет. У нас этих коробок тьма-тьмущая: папу на работе на кафедре с наступающим Новым годом каждый раз конфетами задаривают. Из дома я выскочила в последнюю минуту, не успев позавтракать. Даже решила до школы на автобусе добраться. Всю дорогу я гипнотизировала

изображенные на коробке конфеты. Такие аппетитные, с орехом внутри и кокосовой стружкой сверху. Не выдержав, распечатала, и слопала несколько штук. Планировала только попробовать, но одной конфетой ограничиться не удалось. О чем, кстати, до сих пор ни капли не жалею. Конфеты оказались обалденными. В итоге коробку конфет вместе с запиской «Тиму М.» я тихонечко положила в красный мешок «Тайного Санты». До сих пор не знаю, какая реакция была у Макеева, когда он получил свой подарок...

Вскоре я начисто забыла про эту историю, а Янку мой «секрет» так развеселил, что она до сих пор каждую зиму мне это напоминает.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. Мелкие снежинки хороводили в свете фонарей. Болтая и скрипя свежим снегом, мы добрались до перекрестка, где обычно и расставались. Пока светофор горел красным, Яна хлопнула себя пушистой варежкой по лбу.

– Мне же тетя привезла печенье с предсказаниями. Я вам несколько штук взяла.

Она полезла в сумку и достала яркую коробку. Мы стояли под сплошным снежным кружевом и делили печенье. И почему-то это мне показалось настоящим зимним таинством, преддверием новогоднего волшебства.

Снежана и Милана решили съесть печенье дома, а я свое в нетерпении разломала сразу. Под желтым светом фонаря мы хором прочитали послание: «Иногда нужно что-то разрушить, чтобы освободить место для чего-то нового».

Мы переглянулись.

– И что это означает? – удивилась Яна.

– Определенно что-то хорошее, – с энтузиазмом отозвалась я, думая о предстоящей на каникулах поездке за город.

Глава третья

Следующий школьный день оказался ничем не примечательным. Разве что еще утром я проснулась со странным чувством, будто сегодня должно произойти что-то такое, из-за чего жизнь моя сойдет с привычной орбиты и все вокруг больше не будет прежним. Непонятное и оттого немного неприятное ощущение поселилось внутри.

После уроков классуха собрала нас на классном часе и рассказала всем об идее Антона Владимировича отправиться вместе на новогодние каникулы кататься на лыжах за город. Ребята восприняли эту новость с энтузиазмом. Еще бы. Ведь географ был всеобщим любимцем. Но главное: поездка за город – это долгожданная свобода. Заснеженные склоны, лыжи, горячий шоколад, хорошая компания и никакой школы. Многим показалось это очень воодушевляющим. Правда, в зимнюю сказку пока не особо верилось. За ночь весь вчерашний снег растаял, оставив после себя наутро лишь неприятную слякоть. Но даже если в городе не будет снега, как в прошлом году, за городом-то его – завались! Еще одна причина покинуть мегаполис и отправиться в поход. Классная поручила мне заняться списком желающих встретить Новый год в Васильево.

После новости о предстоящем походе с Золотком и одобрительного гудения я зачем-то обернулась к парте, за которой сидел Тимур. Хотелось посмотреть на его разочарованное лицо. Но Макеева на месте не было. Конечно, это же Макеев. Делать ему, что ли, больше нечего – посещать после уроков всякие там классные часы. В том, что он откажется от поездки с Антоном Владимировичем и не запишется, я даже не сомневалась. Макеев, как выяснилось, вообще со списками не дружит.

После классного часа Янка сразу засобиралась домой, а мне пришлось еще немного задержаться, чтобы выяснить у классной все организационные вопросы.

Когда вышла из кабинета, школьные коридоры были уже пусты. Занятия у второй смены пока не начались, поэтому в здании было непривычно тихо. Я отнесла журнал в учительскую и спустилась в гардероб. Наматывала огромный шарф горчичного цвета на шею и с тоской смотрела в окно, как ветер размазывает крупные капли по стеклу. Погода снова была не декабрьской. Вместо вчерашних снежных кружев в городе снова дождь и серость.

Еще со школьного крыльца я заметила знакомый синий «Киа Сид», и настроение мое еще больше испортилось. И тут же вспомнилось то странное чувство тревоги, которое посетило меня сегодня утром. На душе стало тяжело.

«Сид» принадлежал Эдику. И если он приехал к моей школе без Алины, то ничего хорошего от нашей встречи я не жду.

Кравец вышел из машины один. Огляделся по сторонам и, разумеется, сразу заметил меня на школьном крыльце. Больше-то здесь никого не было. Я напряглась. Что ему надо? Когда Эдик, глядя на меня, широко заулыбался, я нахмурилась. Если он думал, что я подойду к нему – не тут-то было. Не горю желанием... И вдруг в голове поселилась неприятная мысль: а если его послала Алина? Вдруг что-то стряслось? Тогда я все-таки сбежала с крыльца и направилась к Эдику. По мере того как я подходила, улыбка на лице Кравца становилась шире. Если бы у моей сестры были неприятности, вряд ли бы Эдик так сиял. Хотя я ничему уже не удивлюсь. Этот парень вселял в меня какой-то неподдельный ужас.

– Привет! – снова первым поздоровался Эдик.

– Привет! – отозвалась я глухо, оглядывая его машину. И все-таки она была пустой. Эдик без Алины. Тогда я сразу спросила: – Что ты здесь делаешь?

Институт, в котором учились Кравец и моя сестра, находился совсем в другой стороне. Эдик, не переставая улыбаться, смотрел на меня. Он был без шапки, и ветер трепал его светлые волосы.

– А я мимо твоей школы проезжал, – наконец начал он. – Как раз к вам еду. Меня Алина ждет. Думал, вдруг у тебя занятия в это время закончились. И видишь, как повезло? Могу подвезти до дома.

Да уж, везуха, ничего не скажешь. Я обернулась и посмотрела на школьное крыльцо. На нем появился Антон Владимирович. Он посмотрел в нашу сторону, неодобрительно осмотрел Эдика, а затем кивнул мне на прощание. Я растерянно кивнула ему в ответ. Вот проклятье! А если он решит, что этот болван Эдик – мой парень? Хотя какая разница... Антон Владимирович – несбывшаяся мечта. А Эдик... От него я просто не знаю, чего ожидать.

Кравец проследил за Антоном Владимировичем, как-то странно усмехнулся, а затем распахнул пассажирское сиденье «Киа».

- Прошу!

Я с сомнением оглядела пассажирское место. Конечно, заманчиво было бы сейчас нырнуть в машину и с теплом и комфортом домчаться до дома. А с другой стороны... Провести лишние минуты наедине с Эдиком? Кошмар! И тут же что-то странно кольнуло в груди: а если он начнет ко мне приставать? Ну, нет... Выдумываю, как сказала бы моя мама. Скорее всего, на самом деле все обстоит действительно так, как и сказал Эдик. А у меня просто паранойя развивается.

- Ну как? - поторопил меня Кравец, заметив, что я не спешу садиться в его машину.

- Вообще-то я не могу, - не слишком вежливо сказала я. - У меня встреча.

- Встреча? - переспросил Эдик. - Где?

- Прямо здесь, - ответила я. - Что-то вроде свидания.

- Свидание? - удивился Кравец. Будто я не могу с кем-то встречаться. Лицо Эдика стало недовольным.

Я завертела головой в поисках своего выдуманного кавалера.

- Ага. Он как раз сейчас придет. Ну... Мой парень.

Но двор, как назло, был пустым. Наконец дверь школы распахнулась, и на крыльце показался Макеев. Я думала, он уже давным-давно смылся домой, раз прогулял классный час, а он, по-видимому, как обычно, завернул в спортзал, чтобы покидать мяч в кольцо. Сама я этого не видела, но близняшки мне говорили, что наши мальчики имеют привычку торчать после уроков в спортзале.

Макеев похлопал по карманам в поисках чего-то... Равнодушно скользнул взглядом по мне и Эдику и отвернулся.

- Он? - кивнул в сторону Макеева Эдик.

- Он, - во второй раз соврала я.

Снова обернулась и выкрикнула:

– Ти-мур!

Макеев поднял голову и посмотрел в нашу сторону. Я помахала ему. А одноклассник, будь он неладен, остался стоять.

– Я здесь! – снова крикнула я.

– Ага! Я вижу! – громко ответил Макеев.

Мне хотелось рвать и метать. И рычать от злости. Но я продолжала стоять и натянуто улыбаться.

Эдик продолжал ежиться от холодного ветра.

– Может, сядем уже в машину? – снова предложил он уже слегка раздраженно.

Я покачала головой. Обернулась к Макееву и замахала рукой, подзывая его к нам. При этом попыталась сделать самый умоляющий взгляд из всех возможных. Наконец до Тимура дошло. Он спустился с крыльца и неторопливо направился в нашу сторону. Эдик впился в Макеева угрюмым взглядом.

– Вот ты где! – не нашла я ничего лучше, как начать разговор с этой глупой фразы. Сказала это так неестественно весело, будто Макеев был ребенком, который спрятался, просто прикрыв лицо ладонями, а я делала вид, что его долго искала.

Тимур покосился в сторону недовольного Эдика и кивнул:

– Вот я где.

– А я тебя жду, жду...

– Меня? – недоумевал Макеев.

Тогда я порывисто обняла растерянного Тимура и повисла на нем, как сосиска. Макеев меня в ответ обнимать не стал.

– Ну, мы пошли, – нарочито счастливо сказала я Эдику, оторвавшись от объятий с Тимуром.

– Ага, – отозвался Эдик.

– Алине привет!

Кравец натянуто улыбнулся и обошел машину. Сел за руль, громко хлопнул дверью, завел мотор... Но «Киа» почему-то не трогалась с места. А мы с Макеевым продолжали молча стоять, как два истукана. Я готова была проклясть все на свете. Ведь теперь вместо того, чтобы на законном основании идти домой после школы, я вынуждена буду слоняться пару часов по улице, находясь якобы на свидании. Еще и погода хуже некуда. Ветер словно озверел. Редкий колючий снег летел в лицо.

Эдик так и не уезжал, чем очень раздражал. Продолжал сидеть в машине и смотреть на нас с Макеевым.

– Возьми меня, пожалуйста, за руку, – попросила я Тимура.

– А?

– И уведи куда-нибудь.

Наконец Макеев без лишних вопросов сделал так, как его просят. Взявшись за руки, мы направились по аллее в противоположную сторону от школы. Тимур держал меня за руку осторожно, будто не знал, чего от меня ждать. Да я и сама иногда этого не знала. Выдумала же вот себе свидание...

– Кто этот тип? – спросил Макеев, когда мы немного отошли.

– Жених моей сестры, – ответила я.

– И он тебе не нравится?

– Терпеть его не могу, – призналась я Макееву. И ведь снова не объяснишь, что ничего плохого мне Кравец не сделал. Просто у меня дурное предчувствие на его счет.

Некоторое время мы так и шли молча, не расцепляя рук, хотя синяя «Киа» была уже далеко позади. Словно, оба о чем-то задумавшись, не обращали внимания на внезапную и такую непривычную близость. Когда до меня наконец дошло, что происходит, я немного смутилась и первой выпустила теплую широкую ладонь Тимура. Он на это никак не отреагировал, просто продолжил шагать рядом со мной. Тогда я осторожно покосилась на профиль одноклассника. Правильные черты лица, прямой нос, черные изогнутые ресницы, красивые губы... На Макееве модный черный пуховик и подогнутая шапка. Изучив лицо, я скользнула взглядом по серебряному колечку в левом ухе. Пожалуй, Макеева можно признать очень даже симпатичным, странно, что я никогда не обращала на него внимания. Хотя... У меня совсем другие вкусы и идеалы. Тимур для меня слишком неформальный и безалаберный. А вот Золотко... Эх, Антон Владимирович, Антон Владимирович... Ну почему вы так недостижимы для ученицы одиннадцатого «А» класса?

Тимур, думая о чем-то своем, вдруг улыбнулся.

– Почему ты на меня так пялишься? – спросил он, так и не поворачиваясь ко мне.

Я страшно смутилась:

– С чего ты взял?

– Я вижу боковым зрением, – сказал Тимур, глядя себе под ноги. Он продолжал улыбаться.

– Как голубь? – спросила я.

Тогда Макеев хрипло рассмеялся. Из его рта вырвался пар.

– Да, что-то вроде того. Как рыба.

Я не сдержалась и тоже улыбнулась. Было немного странно брести в такой холод куда глаза глядят с парнем, с которым меня не связывает абсолютно ничего. Не считая той коробки конфет в седьмом классе, из которой я увела несколько штук. Да мы с Макеевым ни разу и не общались толком.

И снова поднялся холодный ветер, а снег неприятно покалывал щеки. Из-за того, что снежинки летели прямо в лицо, мы оба хмурились. Это был самый неподходящий момент, но я все-таки спросила:

- Какие у тебя планы?

- На жизнь?

- На день, - вздохнула я, пряча руки в карманы пуховика. - Может, прогуляемся?

Возвращаться домой рано. Конечно, можно было завалиться к Яне, но она жила слишком далеко от школы, а близняшки наверняка сейчас на занятиях танцами... Внезапно я поймала себя на мысли, что придумываю «отмазки» и мне просто нравится идти под снегопадом и ветром рядом с Макеевым. Эта мысль мне совсем не понравилась. С чего бы у меня возникло вдруг такое желание?

- Но мы вроде и так гуляем, - повернулся ко мне Тимур и сверху вниз посмотрел в глаза. И я снова увидела себя в отражении темных радужек: маленькую, растерянную, в огромном желтом шарфе...

- Тоже верно, - первой отвела я взгляд. - И ты даже не спросишь, почему мы гуляем?

- Погодка больно хорошая, - серьезно сказал Тимур.

Я сильнее укуталась в шарф и точно так же, с самым серьезным видом, кивнула.

Мы дошли до набережной, где снег валил еще гуще. У нас с Тимуром не было ничего общего, поэтому мы оба преимущественно молчали, но, удивительное дело, меня это ничуть не напрягало. Если мы и произносили фразы, то только короткие и какие-то глупые.

Заметив, как я прячу руки то в карманы, то в рукава, Тимур спросил:

- А где твои перчатки?

- Я их все время теряю.

Тогда Макеев полез в карман и достал свои - вязаные, черные и, кажется, совсем новенькие.

- Вот, возьми.

- А ты?

- У меня никогда руки не мерзнут.

- У нашей старой собаки тоже никогда не мерзли лапы.

- Ты все время меня будешь с разными животными сравнивать?

- Прости.

- Кем еще назовешь?

- Могу лошадью.

- Очень хорошо.

Молчание. Но перчатки у Макеева просто замечательные. Мягкие, теплые. Хотя и большие. А еще почему-то стало так приятно, что Тимур дал мне их поносить...

- Странные у нас с тобой разговоры, Макеев.

- Хочешь горячий чай?

- Чай?

– И хот-дог.

Мы остановились у палатки с быстрым питанием и взяли два стаканчика чая навынос и два французских хот-дога. Мне с кетчупом, а Макееву – с горчицей.

Поставили стаканчики на припорошенный снегом широкий парапет и уставились на темную воду. Ели молча. Набережная в это время была практически пустой. Вода в реке еще не замерзла. Жуя хот-дог, я с задумчивым видом уставилась на черную водную рябь.

– А хочешь, я ему морду набью? – спросил вдруг Макеев.

– Кому? – не сразу поняла я.

– Жениху твоей сестры.

– Зачем? – засмеялась я, сделав глоток горячего чая. После съеденного хот-дога стало намного теплее. Перчатки Макеева я зачем-то убрала в карман.

– Ну, ты же терпеть его не можешь, – пожал плечами Тимур.

– Ты мне тоже не особо нравишься, Макеев, – со смехом сказала я, снова отпив чай. Картонный стаканчик обжигал пальцы.

Снег вдруг перестал падать, и из-за туч вылезло солнце. Яркое и уже по-настоящему зимнее. Тимур, прищурив один глаз из-за слепящих лучей, повернулся ко мне и осмотрел меня с нескрываемым интересом. Я улыбалась и теперь тоже не отводила от него взгляд.

– Поэтому если ты себе там что-то надумал... – продолжила я.

– А что я могу надумать? – улыбнулся Тимур. А я отметила про себя, какие у него белые и ровные зубы.

– Сам знаешь что, – проворчала я.

– Понятия не имею.

– Перестань, – толкнула я легонько Тимура. Как-то кокетливо получилось, но я не нарочно, честное слово.

Макеев взял с паркета мой пустой стаканчик и выкинул его вместе со своим в ближайшую урну. Потом вернулся ко мне.

– Ладно, – вздохнул он. – Я все-таки уже надумал, что ты от меня без ума. Ждешь не дождешься, когда мы выпустимся из школы, чтобы выскочить за меня замуж и нарожать мне кучу детей.

– Чего-о?

– Я мечтаю о трех сыновьях и младшенькой доченьке. Чтоб как у Бекхэма.

Я молча пялилась на Макеева, а он все это рассказывал, продолжая щуриться от солнца.

А потом вдруг рассмеялся:

– Ты такая наивная, Наташа. Как моя старая кошка.

Теперь уже я его пихнула не кокетливо, а со всей силы. Правда, Тимур от моего толчка даже не шелохнулся.

Он перестал смеяться и уставился на мое лицо. Принялся его так изучать, что я немного засмушалась. Но отводить взгляд не стала. Тоже уставилась на его красивое гладковыбритое лицо.

– Кое о чем я все-таки на самом деле думаю, – наконец сказал Макеев. А у меня от этого странного тона даже дыхание перехватило.

– О чем же? – негромко и хриловато спросила я. В голову полезли шальные мысли, что Тимур меня вот-вот поцелует. А я, возможно, даже не буду против... Дурдом какой-то! Еще вчера я своего одноклассника практически ненавидела, но стоило мне очутиться рядом с ним, как меня словно одурманило.

– Об этом я скажу, когда провожу тебя до дома, – пообещал Тимур. – Где ты живешь?

Я назвала адрес. Мой дом находился достаточно далеко отсюда, а еще я понятия не имела, где живет сам Макеев и удобно ли ему будет тащиться через полгорода, чтобы меня проводить. Но уж раз вызвался... Мы снова побрели по набережной. Теперь идти было не так холодно, потому что ветер не дул в лицо, а подгонял нас в спину. В какой-то момент Тимур остановился и взял меня за руку. И его ладонь в очередной раз оказалась теплой, а вот моя – наоборот.

– Издеваешься? – спросил Тимур. – Ты и мои перчатки потеряла?

– Нет, они в кармане.

Тогда Макеев сам полез ко мне в карман и, достав свои перчатки, принялся их на меня натягивать. Все это время я следила за его сосредоточенным лицом. Когда Тимур опускал ресницы, меня брала зависть. Это было несправедливо! Вот бы мне такие...

В перчатках стало теплее. Поступок Макеева меня умилил, и настроение стало еще лучше. Мы шли по центру, на улице ярко светило солнце, и свежий снег на газонах слепил глаза.

Иногда мимо пролетали редкие снежинки. Тогда я открывала рот, чтобы поймать хотя бы несколько, а Тимур на меня в это время странно косился и усмехался.

Я встречалась взглядами с прохожими, и они широко улыбались мне. А я улыбалась им в ответ. И было так хорошо...

Не до улыбок мне стало, когда мы зашли в мой двор и остановились у подъезда. Я поймала себя на мысли, что жутко заинтригована и весь путь думаю о том, что же мне не сказал Макеев на набережной. Даже сердце сильнее застучало.

Тимур снова посмотрел на мое лицо и улыбнулся.

– О чем же ты думал? – поторопила я его.

– Я думал, как забавно кетчуп смотрится на твоём носу. Ты похожа на клоуна, – ответил Макеев.

Я поспешно потянулась к рюкзаку и вытащила карманное зеркальце. На носу действительно красовалась засохшая красная клякса внушительных размеров. Как я её не почувствовала? Так с ней и прошагала через весь центр. Ещё проходим улыбалась в ответ, дура!

– Макеев, почему ты мне сразу не сказал? – возмущалась я, оттирая с носа проклятый кетчуп.

– Сказал бы, если бы ты не призналась, что я тебе не особо нравлюсь. Наверное.

Я, перестав оттирать пятно, сердито подняла на него глаза.

– Так это месть?

– Сама разбила мне сердце, а я виноват, – притворно вздохнул Макеев. – Ладно, пока, Наташа. Увидимся в школе!

Тимур развернулся и пошел прочь со двора, а я так и продолжила стоять, глядя ему в спину.

– Эй! – наконец выкрикнула я. – А что мне делать с перчатками?

Макеев развернулся и громко посоветовал:

– Пришей на них резиночку!

Я не удержалась и показала ему язык. Тимур усмехнулся и снова развернулся.

На свой этаж я поднималась в каких-то растрепанных чувствах. Щеки горели то ли от холода, то ли от непонятно откуда взявшегося смущения. Мы с Тимуром пробродили по улицам почти два часа, так толком и не пообщавшись, но мне казалось, что у нас действительно было настоящее свидание.

Глава четвертая

К тому времени, как я вернулась домой, Эдика у нас уже не было. Зато меня встретили мама с сестрой. Как только я отворила дверь ключом, они выскочили в коридор и встали как вкопанные. Я разматывала шарф, не сводя с них непонимающего взгляда. Мама и Алина загадочно улыбались и время от времени переглядывались, словно заговорщики. Да что с ними такое? Я разулась, скинула пуховик, прошла в ванную, чтобы вымыть руки... Они – за мной. Пока вода плескалась, я расслышала, как мама что-то сказала Алине, а та негромко рассмеялась.

– Что происходит? – сердито спросила я, выключив воду и взяв в руки полотенце.

– Как погуляла? – первой задала вопрос Алина.

– Хорошо погуляла, – отозвалась я, проходя на кухню. – И даже перекусила! Хотя чай бы еще попила.

На столе заметила три чашки и недоеденный разрезанный клубничный рулет. Ага, значит, Эдик уехал от нас не так давно. Ну и скатертью ему дорожка. И тут до меня наконец дошло: он рассказал маме и сестре о нашем с Макеевым «свидании»! Вот почему они такие загадочные. А Алина еще и ржет как дура.

– Что за Тимур? – спросила мама, когда я молча уселась за стол пить чай.

– Тимур как Тимур, – буркнула я.

– Это ведь твой одноклассник? – уточнила Алина.

Я неопределенно дернула плечом. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы мама и сестра решили, что я встречаюсь с Макеевым. Я бы предпочла соврать, что гуляла с Янкой. Но раз уж так сложились обстоятельства... Вот Эдик трепло! Еще и имя назвал. Так бы я выдумала себе какого-нибудь абстрактного воображаемого парня, а не одноклассника, с которым учусь одиннадцать лет.

- Она стесняется, - захихикала Алина, не дождавшись от меня ответа.

- Ш-ш! - шикнула мама на Алину. - Не смущай младшую сестру.

Я жевала клубничный рулет и молчала. Будут пытаться - ничего не расскажу. Да потому что и рассказывать особо нечего.

- Эдик сказал, что этот мальчик был неформального вида, - сказала Алина, усаживаясь на соседний стул.

- Это просто твой Эдик слишком формальный, - отозвалась я, припомнив вылизанного Кравца. Скучный до зубовного скрежета.

- И давно вы встречаетесь? - продолжила наседавать на меня сестра.

- Я буду говорить только в присутствии адвоката, - ответила я, торопливо допивая чай. Хотелось скорее спрятаться в своей комнате. Я еще ни разу не обсуждала с семьей такие темы, поэтому мне было неловко.

- Ну, ничего, - сказала Алина, кажется, не замечая моего смущения. - У тебя есть старшая сестра. Я всегда тебе помогу, если появятся вопросы на тему отношений.

Я почувствовала раздражение. Ей бы со своими отношениями сначала разобраться. Все-таки Эдик производил впечатление скользкого и неискреннего типа.

- А если все пойдет слишком далеко... - начала мама. - Конечно, лучше бы дождаться совершеннолетия. Но ты знаешь, как важно...

Тут уж я взорвалась:

- Перестаньте! Мы всего-то поели хот-доги на набережной, а вы уже раздули из мухи слона!

- Ладно, ладно, молчим, - сказала мама. Они с Алиной снова переглянулись.

– Лучше скажи, зачем твой жених караулил меня рядом со школой, – брякнула я. Такой уязвимой себя чувствовала в эту минуту. Как все-таки неприятно, когда лезут в твою личную жизнь... Поэтому я решила перевести тему разговора и переключиться на чужие отношения.

– О, это было очень мило с его стороны, правда? – расплылась в улыбке Алина. – Встретить тебя и подбросить до дома...

Я вспомнила, как настойчиво Эдик приглашал меня сесть в машину, и только сильнее рассердилась.

– Да, настоящий джентльмен, – согласилась мама.

Меня захлестнула злость. Они никогда не увидят в нем ничего плохого. И снова отвратительное чувство паранойи. Может, я себе все надумываю?

Из уст сестры это прозвучало так, как будто это действительно настоящий мужской поступок: забрать младшую сестренку своей невесты из школы в непогоду. Что в этом такого, если уж по пути?

Весь вечер я просидела в комнате за уроками, боясь, что расспросы о Макееве возобновятся. Да и настроения особо не было. После уроков поболтала по телефону с Янкой, почему-то не упомянув о прогулке с Тимуром. Хотя обычно старалась ничего от лучшей подруги не скрывать.

Ночью долго не удавалось уснуть. Я поднялась с кровати, тихонько вышла в коридор и увидела, что Алина тоже не спит. Сегодняшняя ситуация с Эдиком не отпускала меня. Не знаю, почему я так испугалась, когда увидела его рядом со своей школой. Но если рассказать об этом кому-нибудь, меня не поймут и на смех поднимут.

Я осторожно постучалась к сестре. Алина промычала что-то неразборчивое, и я решила, что это разрешение войти.

Сестра сидела за столом перед включенным ноутбуком. На столе были разложены конспекты. Настольная лампа ярко освещала раскрытые тетради. Алина собрала волосы в высокий пучок и вставила в него пару карандашей. В

нарядной ночной сорочке, с патчами под глазами и, как обычно, с прямой осанкой. Я вспомнила позу, в которой сама делаю уроки, – а могу и лежать на кровати, задрыв ноги на стену, задачи решать. Вздохнула: насколько мы все-таки разные. Бывает же такое у одних родителей.

Мы никогда не были с Алиной близки. Вроде разница всего четыре года... Но она почему-то казалась мне огромной. У нас всегда были разные интересы и увлечения. И общих тем для разговоров никогда не находилось. Только в детстве, когда мы были совсем мелкими, нас с сестрой отправляли к бабушке, у которой не было интернета и по телевизору ловилась всего парочка неинтересных центральных каналов. Тогда Алина катала меня на багажнике велосипеда по поселку, возила на речку и даже собирала для меня ягоды в глубокую чашку. Все это было так давно, будто бы в другой жизни... Последние лет семь, наверное, мы почти не общались.

Алина у нас всегда считалась маминой дочкой. Они даже внешне были похожи – обе длинноволосые и синеглазые. А я похожа на папу, поэтому меня почему-то сразу определили в категорию «папина дочка». Мама с Алиной ходили по магазинам, болтали на близкие только им темы. Алина всегда с легкостью делилась всем, что у нее на душе. Рассказывала маме все последние сплетни: кто в кого в их классе влюбился, кто с кем дружит, кто куда пойдет учиться после школы... Я же делиться такой ерундой не видела смысла. Мама с трудом могла вспомнить имена моих одноклассников потому, что жизнь моего класса ее не захватила. Интересно, она помнит, как выглядит Макеев?..

Но если у мамы свободного времени было много, то у папы его не было вообще. Да и не сказать, что мы с папой были очень уж близки. В силу его загруженности и занятости. Конечно, он время от времени интересовался моими делами, но такого, чтобы мы вместе ездили на рыбалку или чинили его машину в гараже за непринужденными разговорами, конечно, не было. Поэтому иногда я чувствовала себя в своей семье лишней. Может, в этом была и моя вина: я сама не стремилась делиться личным с мамой и сестрой. Но порой мне было все-таки обидно. Если бы они захотели, то обязательно бы нашли ко мне подход.

Взять сегодняшнюю ситуацию с Макеевым. Наверняка мама с Алиной ожидали, что за чашкой чая я выложу все подробности своего «свидания», спрошу совета, признаюсь в большой любви к Тимуру... Но я довольно быстро свернула нашу беседу. И видела, с каким разочарованием Алина и мама переглянулись. А ведь они ждали меня весь вечер, чтобы узнать подробности.

В комнате у Алины, как обычно, был образцовый порядок. Расправленная кровать с белым постельным бельем, кругом комнатные цветы, красивые постеры на стенах. Моя комната отличалась от комнаты Алины: она выглядела сиротливой и словно была необжитой, с белыми стенами и разбросанными на стульях вещами. Все, к чему прикасалась Алина, делалось теплым и уютным. У меня же такого умения, к сожалению, не было.

Алина оглянулась, увидела меня, и по ее лицу я поняла, что она очень удивлена. Наверняка ожидала увидеть маму. Но родители давно уже спали, а меня все мучил один важный вопрос...

- Ты его любишь? - спросила я с порога.

Алина отвернулась, снова уткнулась в конспекты и негромко рассмеялась. Конечно, она сразу догадалась, о ком я.

- Люблю, - ответила наконец сестра.

- Сильно любишь? - уточнила я.

- Конечно, дурочка. Он ведь мой будущий муж.

От слов «будущий муж» меня немного покорило. Эдик действительно совсем скоро станет членом нашей семьи. И мне придется терпеть его всю жизнь.

Алина снова обернулась и внимательно посмотрела на меня. В полутьме ее глаза казались совсем черными. Из динамиков ноута негромко лилась песня Бейонсе.

Я так и застыла с несчастным выражением на лице. Кто знает, может, когда-нибудь я привыкну к Эдику и он не будет настолько мне противен. Но пока на подсознательном уровне я его просто не выношу.

Сестра оценила мое замешательство по-своему. Встала вдруг со стула, уселась на расправленную кровать и постучала ладонью рядом с собой. Тогда я подошла и села рядом. Было странно находиться в комнате Алины. Я здесь не частый гость.

– Ты хочешь поговорить о любви, да? – заговорщически спросила у меня сестра. И глаза ее заблестели.

Мне захотелось разочарованно замычать. Нет, любовь – это совсем не то, о чем мне хотелось бы говорить. Я хотела сказать, чтобы сестра забыла об этом придурке Кравеце.

– Ты влюбилась, верно? – продолжила сестра возбужденным шепотом. – В этого неформального Тимура, да?

На самом деле я по уши влюбилась в учителя географии, который старше меня на несколько лет. Но мама с сестрой в обморок бы шмякнулись, узнав об этом.

Алина замерла в ожидании ответа. Мне кажется, она даже дышать перестала. А я впервые за долгое время ощутила это приятное чувство – единение с сестрой. Мы сто лет не сидели вот так вдвоем, по своей воле. Это не бабушка сказала Алине присмотреть за мной и очистить вишню от косточек, чтобы я не подавилась... Я тут же испытала добрую ностальгию. И мне пока не хотелось выходить из комнаты сестры.

– Ага, влюбилась, – промямлила я. Ведь это действительно так. Любовь-то во мне горит! Только не к Макееву, разумеется. Я вспомнила, как этот гад не сказал мне о кетчупе на носу, и внутренне снова возмутилась.

Алина, несмотря на поздний час, захлопала и подпрыгнула на кровати.

– Это так здорово! – сказала она. – А как ты это поняла?

Я неопределенно пожала плечами. Как же это можно понять? Наверное, ты просто влюбляешься – и все. Тогда я осторожно спросила:

– А ты как поняла?

– Что влюбилась в Эдика? – уточнила сестра.

У меня аж сердце заныло. Будь этот Эдик неладен.

- Ну да.

- Знаешь, иногда мне хочется его съесть, - призналась Алина.

Я поморщилась. Единственное, чего хотелось бы мне, - это чтобы Эдика съел кто-нибудь другой, например, волки в лесу загрызли.

- Ну, а тебе? - подтолкнула меня плечом сестра.

Тут я едва сдержала смех. Никогда о таком не думала. Съесть Антона Владимировича - это же глупость какая-то. Кто тогда будет вести у нас географию? Нет, мне просто хотелось когда-нибудь выйти за него замуж. А Макеева есть я тем более не стала бы. Его можно просто прихлопнуть, как надоедливую муху. Без каннибализма.

- Нет, - честно ответила я. - Есть мне никого не хочется.

- Может, вы просто еще не были так близки, - многозначительно усмехнулась сестра. - Еще есть один способ понять, любишь ли ты. Просто представь, какой бы стала жизнь, если бы твой человек вдруг исчез. Вот как бы я одна досматривала сериалы, которые мы начали смотреть вместе? Или как ходила бы без него в те места, куда мы ходим только вдвоем? В такие моменты понимаю, что это и не жизнь бы была. А так, бессмысленное существование.

У меня после слов Алины даже сердце заныло. Как все-таки крепко она влипла.

Сестра на миг стала задумчивой, а потом словно спохватилась:

- Ой, Натусь, а ты чего не спишь так поздно? Завтра ж школа.

- А ты? - снова перевела я стрелки.

Алина тяжело вздохнула и указала на разложенные на столе конспекты. Бейонсе теперь пела что-то бодрое и ритмичное. Ей тоже было не до сна.

- Пытаюсь получить допуск к зачету, скоро ж сессия. Знаешь, я обычно все экзамены автоматом сдаю, а в этом году такая вредная преподавательница

попалась. Никому поблажек не делает.

Про автоматы я знала. Но не от Алины, конечно, а от мамы. Да и то потому, что она хвалилась успехами старшей дочери по телефону перед подругами.

- Поэтому я еще не скоро лягу спать, - поднимаясь с кровати, сказала сестра. А потом посмотрела на меня сверху вниз и весело спросила: - Что мы говорим богу сна?

- Не сегодня, - криво улыбнулась я.

Алина тихо и искренне рассмеялась. Казалось, ничего в жизни не могло ее расстроить или разочаровать. И это качество в сестре ничуть не раздражало. Наоборот, я завидовала ее оптимизму. Меня же из колеи могла выбить всякая мелочь. Вечно я была без настроения.

Пожелав сестре удачи, я вышла из комнаты. А когда поздно ночью пошла на кухню попить воды, в комнате у сестры по-прежнему горел свет.

* * *

Утром возле школы я встретила Яню. Немного задержалась из-за того, что проспала. Всю ночь мне снилась какая-то ерунда. Посреди необитаемого острова Эдик на вертеле, которого собираются съесть дикие туземцы... Бегающая вокруг них Алина, которая плачет, заламывает руки и просит туземцев о пощаде. И я сижу высоко на пальме. Злорадно смеюсь и жду, когда от Кравеца останутся одни косточки.

В итоге мама утром еле добудилась меня. Хорошо, что сегодня не было географии, иначе бы явилась я на урок помятой и не при параде.

Янка тоже проспала. Сказала, что будильник не сработал. Опоздания вообще были не в ее стиле. Потому Казанцева, несмотря на свою любовь к посиделкам в телефоне на уроках, каким-то волшебным образом училась на одни пятерки, не считая химии и алгебры. По этим предметам она еле дотягивала до четверки.

– Сегодня ведь должны вывесить списки на олимпиаду? – спросила Яна, когда мы толклись возле гардероба. Не люблю зиму за очереди на первом этаже. Чтобы сдать куртку и получить номерок, нужно пройти парочку кругов ада. Если нет дежурных, то тебе в давке и ребра могут переломать. Хорошо, что мы пришли почти к звонку и коридор уже прилично опустел.

– Угу, – недовольно отозвалась я, вспомнив про Макеева, который с моей просьбой записаться на физику практически послал меня куда подальше. Яна же собиралась на олимпиаду по обществознанию. Это должно было дать ей бонусы при поступлении.

– Надеюсь, со списками ничего не напутали, – проворчала Яна. – Проверим?

– Сейчас звонок будет, – сказала я, поглядывая на настенные часы. Мы наконец получили вожделенные номерки и направились по коридору к расписанию.

– Мы быстро, – возразила Казанцева. – Сейчас английский. Англичанка же вечно в учительской до последнего торчит и минут на пять опаздывает. Всё брови выщипывает, у нее на лице скоро ни одной волосинки не останется.

– Это да, – тут уж согласилась я.

Мы долго толклись у расписания. Янка все никак не могла найти свою фамилию среди старшеклассников. Так много было желающих попытать удачу и отправиться на олимпиаду.

– Ты видишь мою фамилию? – пропыхтела Казанцева, пихнув меня локтем. Я в это время, задумавшись, сверлила взглядом наше расписание. Как хорошо, что завтра география...

– А? – откликнулась я.

– Что «а»? Помоги меня найти! Неужели пропустили мою заявку? Проверь всех, кто записался на общагу.

Но я вместо обществознания уставилась на список с желающими защитить честь школы на олимпиаде по физике. Их было в разы меньше, чем желающих

испытать себя по гуманитарным наукам, поэтому я без труда отыскала фамилию «Макеев», вписанную в столбик в самом конце.

- Не может быть, - пробормотала я, вчитываясь.

- Вот-вот, - ворчала Янка. - Я, между прочим, одной из первых подала заявку.

- Да я не об этом, - отмахнулась я. Потом повернулась к Яне и широко улыбнулась: - Макеев все-таки записался на физику.

Подруга непонимающе уставилась на меня в ответ.

- Тимур? Ну и что? - наконец отозвалась Яна. - Молодец, что я еще могу сказать. Рада за него. Отчаянный.

Я почему-то все не могла перестать улыбаться.

- А ты чего так радуешься-то? - удивилась Яна. Она даже про свою фамилию в списке забыла.

- Помнишь, я говорила тебе, что после уроков достала его с этой заявкой?

- Вот-вот, - кивнула Казанцева. - Когда тебе надо, ты кого угодно достанешь. Передумал человек, бывает.

Но я была уверена, что Макеев передумал не потому, что я его «допекла» или «достала», а после нашей вчерашней прогулки по набережной. Но когда он успел-то? Пришел раньше в школу и с самого утра подал заявку? Стыдно, что ли, за шутку с кетчупом стало? Все-таки есть совесть у человека. Ничего с ним не потеряно.

Громко прозвенел звонок, и Яна потянула меня за руку.

- Ладно, - вздохнула она. - После английского схожу в учительскую и разберусь. Пойдем!

Пока я шла до кабинета английского, думала над тем, что сегодня до школы дошла в перчатках Макеева. Несмотря на то что они были большеваты, мне не хотелось их потерять.

Глава пятая

У Маши Сабирзяновой не было друзей. По крайней мере, в школе ее никогда ни с кем не видели. Молчаливая, тихая, скромная, пугливая... Маша плохо училась и не могла найти общий язык со сверстниками. В начальной школе над ней смеялись из-за лишнего веса. А после летних каникул в восьмом классе Маша пришла в школу сильно похудевшей, однако неуверенность в ней все равно осталась. Чудесное преображение никак не повлияло на Сабирзянову. Она все так же плохо училась, стеснялась и подвергалась насмешкам некоторых одноклассников. С возрастом наши «особо умные» мальчики все-таки отстали от бедной Маши, но кое-кому она не давала покоя. Например, нашему главному хулигану – Стасу Калистратову. Он так и продолжал цеплять Машу, обзывая ее «жирухой», несмотря на то что в Сабирзяновой было килограммов пятьдесят от силы. Наверняка Машу его шутки и тупые подколы доводили до слез, но в классе она свою слабость не показывала.

– Как думаешь, почему Калистратов все время лезет к Сабирзяновой? – спросила меня как-то Яна. – Мне ее жалко.

Машу было жалко не только Казанцевой. Калистратов своими издевками достал многих, но связываться с ним никто не хотел. Иногда мне казалось, что у Стаса не все в порядке с головой. Он был жутко избалованным и неприятным. Да еще и со связями: его бабушка работала директрисой в нашей школе. То, что позволялось Калистратову, не позволялось больше никому. Учителя закрывали глаза на его грубость и неуспеваемость по большинству предметов. А мы потихоньку страдали от этой вседозволенности.

– Может, он влюбился? – предположила я тогда.

– В кого? – рассмеялась Яна. – В Сабирзянову?

Мы одновременно обернулись и посмотрели на тихую, молчаливую Машу. Я пожала плечами:

– Ну, да. Она стала очень даже хорошенькой. Ей бы больше уверенности в себе. Дело ведь даже не в весе, не в шмотках, не в успеваемости... Она просто не умеет преподносить себя.

Яна кивнула.

– А еще Маша кажется очень одинокой, – вздохнула я.

Девчонки из нашего класса не спешили принимать Машу в свою компанию. Да и я сама не горела желанием сблизиться с ней. Мне было комфортно дружить с Казанцевой и близнецами. С Машей же у нас не было никаких общих интересов. Она всегда казалась мне отстраненной, забитой и немного странной.

Иногда мы вовсе забывали о существовании Маши Сабирзяновой, пока на уроке ее не вызывали к доске. Или до тех пор, пока ее снова не начинал цеплять при всех Калистратов.

Сегодня же, после третьего урока, Маша вдруг оказалась в центре внимания. Я сама не поняла, с чего все началось. Когда мы с Яной вернулись из столовой, в классе стоял страшный дубак. Окно было распахнуто настежь, а на подоконнике сидел довольный Стас с перевернутым полупустым рюкзаком Сабирзяновой. Остальные одноклассники столпились вокруг него. Кто-то из девчонок говорил неуверенно:

– Калистратов, идиот, отдай ей рюкзак!

– А будет знать, как руки распускать, – говорил Стас, болтая ногами.

– Да тебе давно пора врезать, – сказал вдруг наш ботаник Ваня Жариков.

Судя по красному пятну на щеке, Калистратов наконец получил заслуженную оплеуху от Маши. Сама Сабирзянова сидела за своей партой и, положив голову на руки, тихо плакала. Глядя на эту картинку, я почувствовала, как у меня внутри шевельнулась жалость.

– Че ты сказал, очкарик? – прищурился Калистратов. – Тебе давно самому морду не чистили?

Жариков тут же замолчал и отошел в сторону.

Я поежилась от холода. По классу гулял сквозняк. За распахнутым окном же было сплошное декабрьское умиротворение. Весело щебетали синицы, ярко светило солнце, и от солнечного света слепило глаза. Если б не эта некрасивая ситуация, день казался бы по-зимнему умиротворенным.

– Отдай ей рюкзак! – настойчивей повторили девчонки.

– Ага, щас! Если жируха не извинится, я выкину его в окно вслед за пеналом и учебниками.

Меня от этой ситуации даже дрожь охватила.

– Да не будет Маша извиняться, ты заслужил! – все-таки снова возмущенно проговорил Жариков.

– Пусть мои подошвы поцелует, – сказал Стас, вытянув длинные ноги и продемонстрировав стоптанные ботинки. – Тогда, может быть, прощу. Никто не смеет на меня руку поднимать.

– В детстве его зря не пороли, – шепнула мне на ухо Яна.

Я не успела ответить подруге. Вдруг кто-то легонько оттолкнул меня в сторону, протискиваясь к окну. Я подняла глаза и увидела Макеева. Он продолжал осторожно расталкивать собравшихся вокруг ребят и наконец подошел к Калистратову. До этого момента я Тимура в классе не видела. Наверное, он только недавно появился в кабинете и следил за событиями от дверей.

Макеев молча вырвал из рук растерявшегося Стаса уже полупустой рюкзак и кинул его в руки Жарикова. Ваня на удивление ловко его поймал, я даже не ожидала от ребят такой сработанности. Жариков тут же передал рюкзак Маше, которая к тому времени уже перестала плакать. Она поднялась с места и растерянно вглядывалась в толпу, пытаясь рассмотреть, что там происходит у

окна. Остальные тоже притихли. А у меня тут же возникло нехорошее предчувствие.

– Охренел? – возмущенно заорал Стас.

– Это ты сейчас ей подошву облизывать будешь, – пообещал Макеев голосом, не терпящим возражений.

Калистратов только растерянно захлопал белесыми ресницами.

– Да пошел ты, – наконец проговорил Стас, первым толкнув Тимура. Тогда Макеев резко схватил Стаса за грудки и склонил к раскрытому окну. Девчонки, не сговариваясь, заверещали.

Тимур чуть ли не наполовину вытащил Стаса из окна и навис над ним. Кабинет географии находился на втором этаже. Мы с Янкой тоже ахнули. Я следила за происходящим, будто фильм смотрела. Жаль, все происходящее нельзя было выключить. Или хотя бы перемотать самые неприятные моменты...

– Дебил, я же упаду, – дрожащим голосом заверещал Стас.

– Ничего страшного. Здесь невысоко. Извинись, – глухо проговорил Макеев.

Я видела, как холодный ветер треплет белые волосы Калистратова. Мне казалось, что еще немного – и парни вдвоем улетят вслед за учебниками Сабирзяновой.

Внезапно раздался громкий и встревоженный голос Антона Владимировича:

– Что здесь происходит?

Тогда я перевела дух. Мне казалось, что в том месте, где появляется Золотко, не может произойти ничего плохого. Он как супермен. Придет и все разрулит.

Макеев развернулся и ослабил хватку. Тогда Калистратов, воспользовавшись замешательством Тимура, резко его оттолкнул и поспешно спрыгнул с подоконника. Волосы Стаса были взъерошены, а в глазах блестели крупные

слезы – непонятно, то ли от страха, то ли от ветра.

– Придурок! – истерично выкрикнул он. Калистратов сильно дрожал.

Тимур так и продолжил стоять возле открытого окна. Глаза Макеева были полны злости. Мне кажется, я никогда не видела его таким сердитым.

– Закройте окно, – первым делом приказал Антон Владимирович. Из-за сквозняка по кабинету разлетелись бумаги, которые лежали на учительском столе.

Но Макеев даже пальцем не пошевелил. Он продолжал стоять на месте и почему-то теперь зло смотрел не на Стаса, а на Золотко. Будто это Антон Владимирович выкинул вещи Маши в окно. Вместо Тимура закрывать окно кинулся Ваня Жариков.

В классе стало тихо. Я почему-то так разволновалась из-за произошедшего, что слышала в эту минуту только встревоженный стук своего сердца.

– Что здесь происходит? – строго повторил Антон Владимирович, внимательно осматривая нас. Внезапно он остановил свой взгляд на мне и принялся выжидать. Привык, что я всегда прихожу к нему на помощь. Но здесь даже я не могла найти слов.

Тогда Золотко посмотрел на нахотленного Макеева.

– Тимур, ты понимаешь, что все могло закончиться трагедией? Ты чуть не вытолкнул товарища из окна!

Мне хотелось нервно рассмеяться. Да такого «товарища», как Калистратов, мы бы сами все дружно спровадили с крыши всем классом.

– После моего урока пройдишь в кабинет директора, – строгим голосом проговорил Антон Владимирович. И тут до меня наконец дошло, как вся эта ситуация выглядела со стороны. Стас в глазах географа стал жертвой. Но Макеев почему-то молчал и ничего не говорил в свое оправдание.

– Не хочешь мне ничего рассказать? – будто прочитав мои мысли, спросил Антон Владимирович у Тимура.

– Не хочу, – ответил Макеев.

– Я удивлен, что ты вообще решил посетить мой предмет, – усмехнулся географ.

– Я и сам удивлен, – отозвался Тимур.

– А теперь, значит, решил его сорвать? Шагом марш к директору, – вдруг вышел из себя Антон Владимирович. Таким рассерженным я Золотко видела впервые. День открытий какой-то.

Под трель школьного звонка Тимур направился к выходу. Два раза его просить не пришлось. Все молча расступились. Одноклассники, как и я, находились под впечатлением от произошедшего.

Макеев вышел из класса, громко хлопнув дверью. Нам не оставалось ничего другого, как сесть по местам. При этом многие негромко переговаривались и делились впечатлениями. Стас тоже как ни в чем не бывало отправился к своей парте. Вышел сухим из воды. У меня это вызвало возмущение, но остальные молчали. Стас старался ни на кого не смотреть. Опустил голову и обиженно шмыгал носом, строя из себя жертву.

Когда все немного успокоились, Антон Владимирович начал урок. Он не сразу заметил, что Сабирзянова не собирается садиться на место.

– В чем дело, Маша? – устало поинтересовался Антон Владимирович. Наверняка он был расстроен из-за стычки Макеева и Калистратова.

Вместо ответа тихая и забитая Маша схватила с парты свой рюкзак и выскочила из кабинета вслед за Тимуром, точно так же громко хлопнув дверью. Антон Владимирович удивленно проводил ее взглядом, а затем осмотрел класс:

– Может, все-таки кто-нибудь объяснит мне? С чего все началось?

Все, как назло, будто воды в рот набрали. Осторожно косились в сторону притихшего Стаса и молчали. Сам он тоже не спешил описывать подробности.

Я все-таки не выдержала и громко сказала:

– Калистратов, может, ты начнешь рассказ?

В классе наступила гробовая тишина. Янка округлила глаза и пихнула меня локтем. Обычно никто не желал связываться со Стасом.

– А я чего? – подал жалобный голос Калистратов. – Антон Владимирович сам видел, что Макеев меня чуть из окна не вытолкнул. Ни за что ни про что. Я ему ничего плохого не сделал. И, кстати, это так не оставлю.

Наверняка Стас ожидал, что ему, как обычно, все сойдет с рук, но я не могла успокоиться. От возмущения даже с места встала. Казанцева, конечно, попыталась меня остановить, но я решила, что только благодаря Золотку в нашем классе может наконец восторжествовать справедливость.

– Ничего себе, ни за что ни про что! Макеев, между прочим, за Сабирзянову заступился. Антон Владимирович, вы знаете, что Стас вещи Маши из окна выкинул? И хотел заставить ее...

– Наташа-а... – протянула Яна.

– Зуева, ты знаешь, что со стукачами делают? – зло спросил со своей парты Калистратов.

– Да пошел ты!.. – резко развернулась я.

Я думала, Антон Владимирович сделает мне выговор, но он задумчиво молчал. А я так и продолжила стоять у всех на виду.

– Это правда? – наконец тихо спросил учитель у Калистратова.

– Зуевой в классе не было, она не может всего знать, – заявил Стас.

– Ты действительно обидел Машу? – продолжал допрос Антон Владимирович.

– Она меня ударила, – огрызнулся Калистратов.

– Разве Маша могла тебя ударить просто так? – снова не удержалась я, развернувшись. – Ты давно напрашивался!

Стас смотрел на меня злобно, как на врага народа. Если Макеева он искренне боялся, то мне давал понять, что я серьезно нарвалась. Его взгляд говорил: «Теперь я и тебя не оставлю в покое». Именно поэтому Янка так упрямо тянула меня за рукав рубашки.

Калистратов хотел что-то мне ответить, но Антон Владимирович громко сказал:

– Спасибо, Наташа, можете присаживаться.

Я осторожно села на место и опустила голову. В висках пульсировало.

– Наташ, ты чего... – начала было Казанцева, но я только поморщилась, и Яна замолчала.

– Что ж, общая картина мне ясна, – сказал географ. – Думаю, после этого урока в кабинет директора должен проследовать не только Тимур Макеев. Станислав, я вас провожу, чтобы вы не заблудились.

Кажется, справедливость все-таки восторжествовала. Только на душе у меня после всего остался неприятный осадок.

На этом уроке я даже не слушала Антона Владимировича и ничего не записывала. Да и он будто с пониманием отнесся к моему «протесту». Я отвернулась к окну и уставилась на припорошенный снегом сквер.

Машу и Тимура я заметила сразу. Они стояли под голым деревом, у скамьи, и о чем-то разговаривали. Я представила, как Сабирзянова выскочила вслед за Макеевым на улицу. Как они вместе искали ее вещи под окнами, как Тимур помог Маше собрать сумку... С чего начался их разговор? Наверное, с благодарностей? А потом Тимур обязательно сказал Сабирзяновой что-нибудь

ободряющее. Что-то типа: «Маша, только не обращай внимания на всяких идиотов. Ты очень классная и добрая». Такая воодушевляющая фраза, наверное, не очень подходила язвительному Макееву, но почему-то мне все представлялось именно так. Иначе почему бы Сабирзянова так широко улыбалась, слушая Тимура? И Макеев тоже улыбался. Вполне искренне и дружелюбно. И совсем не иронично, как улыбался мне во время нашей прогулки по набережной, а с теплотой.

- Ты куда смотришь? - прошептала Яна, склонившись ко мне. Вытянув шею, проследила за моим взглядом и усмехнулась.

- Тебе не кажется, что они нравятся друг другу? - спросила я, повернувшись к Казанцевой.

- Макеев и Сабирзянова?

- Ага.

- Тебя послушать, так Маша просто королева красоты, - улыбнулась Казанцева. - Все-то в нее влюбляются.

Я снова посмотрела на заснеженный сквер. Одноклассники так и продолжали о чем-то весело болтать. Маша рассмеялась. Вполне искренне и счастливо. Наверное, я бы многое сейчас отдала, чтобы подслушать, о чем все-таки они разговаривают. И какие слова Макеев нашел в утешение Сабирзяновой.

- Она правда хорошенькая, - сказала я. - Когда ничего не боится и не зажата. Как мы этого раньше не замечали?

Яна только безразлично пожала плечами. Потом мельком взглянула на Антона Владимировича, который увлеченно о чем-то рассказывал, и снова повернулась ко мне.

- Все возможно. Это хорошо, когда рядом подходящий человек. С ним кто угодно преобразится. Мне кажется, любовь делает людей красивее.

– Думаешь, у них любовь? – почему-то испугалась я. Никогда не обращала внимания, в каких отношениях Маша и Тимур. Как-то не было мне до них особого дела.

– А тебе-то что с этого? – негромко рассмеялась Яна. – Мне кажется, они даже подходят друг другу. Два отщепенца и два сапога пара. Макеев ведь, по сути, такой же одинокий. Ты видела, чтобы он с кем-то дружил в школе?

Я только растерянно пожала плечами. В школе Тимур действительно ни с кем особо не общался. Но в нашем классе из парней учились одни придурки. Взять ту же ситуацию с Машей... Никто, кроме Макеева, за нее не заступился. Разве что Жариков. Но у них с Макеевым точно разные интересы и взгляды на жизнь.

А Тимура можно назвать нормальным. Станным немного, иногда грубым, упрямым, но вполне интересным. Если б он не цеплял Антона Владимировича, я бы к нему намного лучше относилась. Но простить ему издевки над Золотком не могла.

– То-то и оно! – Мое молчание Яна расценила как согласие. – Разница лишь в том, что Макеев за себя постоять может, поэтому его и не цепляют, как Машу.

– А может, ему просто неинтересно общаться с нами? – предположила я.

– А чем это он нас лучше? – оскорбилась Казанцева. Себя она считала исключительно эрудированным, интересным и увлекающимся человеком.

– Хотя бы тем, что был единственным, кто наконец вступился за Машу, – проворчала я, отводя взгляд.

Яна долго не отвечала. Я думала, она записывает что-то в тетрадь, но когда снова к ней повернулась, то встретилась с настороженными и удивленными глазами.

– А чего это ты Макеева выгораживаешь?

– Никого я не выгораживаю, – тут же смутилась я. – Говорю как есть. По факту.

Яна состроила обидную гримасу и наконец взялась за конспект. А я снова посмотрела в окно на сквер. Маша и Тимур уже брели прочь от сквера вдоль гигантских черных деревьев. Снег быстро засыпал их следы.

Глава шестая

Ситуация с Сабирзяновой, ко всеобщему изумлению и злорадству, решилась не в пользу Калистратова. За Макеева и Машу вступился Антон Владимирович. В школе поднялась шумиха – история быстро обросла слухами и домыслами и в итоге достигла каких-то космических масштабов. Привлекли всех: и родителей Сабирзяновой, и школьного психолога, и родительский комитет. Теперь каждый знал, какой Стас псих: столько лет изводил бедную Машу... Конечно, если бы не Золотко, Калистратову все снова сошло бы с рук. Как обычно, бабушка-директриса замяла скандал. Но теперь о выходках ее дорогого внука знали не только в нашем классе, но и за его пределами.

Почувствовав поддержку географа, многие одноклассники подтвердили, что Стас систематически достаёт Машу и в тот злополучный день он тоже начал её цеплять. Впервые директриса столкнулась с таким напором и возмущением остальных ребят, а сам Стас даже несколько дней прогуливал школу.

Однако Калистратов был вынужден все-таки посещать занятия и вернулся еще более озлобленным, чем раньше. Я была в числе многочисленных «свидетелей», давших показания, и чувствовала, что Стас готов на мне оторваться больше, чем на остальных. На переменах он смотрел на меня волком, обращался ко мне не иначе как «стукачка Зуева» и постоянно цеплял меня. Но я старалась игнорировать его косые взгляды и издевки. Я не Маша и на провокации не поддаюсь. А в случае чего и отпор дать смогу. Мне казалось, что Калистратов не представляет никакой опасности, только надоедает, как муха. Ничего, перебесится и отстанет. Он для меня никто. И его обидные слова ничего не значат.

Я гордилась Антоном Владимировичем. Все-таки он настоящий мужчина. Взрослый, мудрый и справедливый. Несмотря на то что Макеев делает его школьную жизнь несладкой, он все равно встал на его сторону и защитил его от несправедливости. Теперь я любила Золотко еще больше. А еще втайне

надеялась, что Макеев примет все произошедшее с благодарностью и наконец перестанет срывать уроки географии. Но Тимур – импульсивный избалованный мальчишка. Он так и продолжал дерзить Антону Владимировичу и прогуливать его уроки, растеряв все заработанные очки симпатии, которые я великодушно присудила ему после того, как он спас Машу.

За эти несколько дней, стараясь отвлечься от школьного скандала, я подготовила список желающих отправиться с Золотком в Васильево. Мне самой уже не терпелось уехать. Еще никогда я так не ждала Нового года. Будто чувствовала, что в этом году Дедушка Мороз приготовил мне самый неожиданный, но очень приятный подарок. Возможно, главный в моей жизни.

Когда Антон Владимирович попросил после занятий зайти к нему в кабинет, я разволновалась. Все оставшиеся уроки места себе не находила в ожидании встречи. Все валилось из рук. Слушала учителей вполуха, не вела конспекты и даже схлопотала двойку по физике.

Я еле дождалась конца занятий и со звонком с последнего урока тут же полезла в рюкзак за зеркальцем.

– Как я выгляжу? – обеспокоенно поинтересовалась я у Яны, разглядывая свое взволнованное отражение. Так, тушь не размазалась, румяна на месте... Я взбила волосы, добавив им объема.

– Просто отлично, – отозвалась Яна, которая спешила домой. Я так и не поняла, куда она торопится, слишком уж невнятными были ее объяснения, но мне было и не до Казанцевой.

– Ладно, не буду тебя задерживать, – сказала я.

Когда я подходила к кабинету географии, дверь распахнулась, и из класса вышла директриса – Татьяна Николаевна. Лицо нахмуренное, губы поджаты... Когда я с ней негромко поздоровалась, она даже не обратила на меня внимания, так была занята своими мыслями. А я всерьез забеспокоилась, как бы ситуация с Сабирзяновой и Макеевым не обернулась против Золотка. Ведь Антон Владимирович сильно рисковал, обвинив Стаса. Хотя все учителя, зная, чей он внук, давно закрыли глаза на его выходки, а кто-то, в угоду Татьяне Николаевне, даже внаглую оценки ее внуку натягивал.

Только я подумала о Калистратове, как он, легок на помине, нарисовался на пороге кабинета географии. Тут уж я сначала замерла на месте, а затем инстинктивно попятилась к стеночке. Вид у Стаса был еще более озлобленный, чем у его бабушки. Конечно, он сразу меня заметил. В своей светлой рубашке и голубых джинсах я маячила посреди темного коридора как белое пятно. Чувствовала, что сейчас снова попаду под горячую руку, ведь именно меня Стас винил во всех своих бедах. Даже не Макеева, который опозорил его перед всем классом, едва не сбросив из окна вверх тормашками. Стас в два шага подскочил ко мне и вдруг схватил за руку. Ладонь его была неприятной на ощупь – мокрой и холодной, как у лягушки.

– Ты... – начал он рассерженно.

– Я! – отозвалась я, пытаюсь высвободить руку. Страх перед Калистратовым не было. Скорее – раздражение. Да и что он может мне сделать посреди белого дня в школе? Тем более что положение у него шаткое. Еще раз оступится – и точно вылетит из школы. А моя мама может скандал закатить на весь город. Это не родители Сабирзяновой, которые на «очной ставке» показались мне такими же забытыми, как их дочь, а может, даже равнодушными... У моей мамы, как и у меня, обостренное чувство справедливости.

– Ты знаешь, что меня посреди учебного года могут перевести в другую школу? – зло продолжил Стас, буравя меня серыми сердитыми глазами. Его белесые ресницы нервно подергивались. В ту минуту Калистратов показался мне безумным. Вот до чего может довести злость человеческая.

– Это было бы чудесно, – сказала я. – Мы бы все очень обрадовались. А ты не рад? Оценки некому натягивать будет, да? Без бабушки-то... Вот жалость!

Стас так сильно сжал мою ладонь, что мне казалось, еще немного – и он сломает мне руку.

– Пусти! – громко воскликнула я.

Дверь кабинета географии снова приоткрылась, и из класса вышли Тимур и Маша. Видимо, директриса снова собирала всех, чтобы замять конфликт, но пострадавшие стороны были непреклонны. Макеев и Сабирзянова о чем-то

переговаривались, но, увидев нас с Калистратовым, замолчали. Тимур так и замер у двери. Взгляд его задержался на Стасе.

Калистратов поспешно отпустил мою руку и снова зло посмотрел на меня. Его длинная белобрысая челка упала на глаза.

– Мы еще не договорили, Зуева, – сказал он.

– Ты мне угрожаешь? – усмехнулась я.

– Я тебя предупреждаю, – ответил Стас и, развернувшись, быстрым шагом направился к лестнице.

Маша растерянно закашлялась. Дождалась, пока Стас скроется из виду, потом что-то негромко сказала Тимуру и, не попрощавшись со мной, прошла мимо. Я проводила ее взглядом и обернулась к Макееву. Он отошел от кабинета географии и уселся напротив него на подоконник. Я подтянула лямку рюкзака на плече и направилась в класс к Антону Владимировичу.

Не успела я дотронуться до дверной ручки, как Макеев громко спросил за моей спиной:

– Что Стас от тебя хотел?

Я оглянулась. Поразмыслила немного и подошла к Тимуру. Уселась рядом. Говорить на такие щепетильные темы под дверью Антона Владимировича не хотелось. Ему и так наверняка несладко из-за всей этой ситуации. Ну и заварили же мы кашу.

– На свидание звал, – сказала я.

Тимур покосился на меня и усмехнулся.

– Я ведь знаю, что это ты меня защитила перед Антоном.

– Я тебя не защищала, – возразила я. – Просто рассказала, как было на самом деле.

Макеев с пониманием кивнул.

- Хорошо, что Антон Владимирович принял твою сторону, - добавила я.

Тимур недобро взглянул на дверь.

- Да пошел он, - сказал Макеев.

От такого я опешила и в возмущении спрыгнула с подоконника.

- Спасибо, что меня не послал, - проворчала я. Вот она, благодарность. Было обидно за Золотко. Он работой рискует, защищая Макеева и его драгоценную Сабирзянову, а они... Они этого даже не ценят! Хотя за Машу я ничего сказать не могла. Вспомнила, как они с Тимуром мило шушукались, когда вышли из кабинета, и почему-то еще больше рассердилась.

- Красивая рубашка, - сказал вдруг Макеев.

- Спасибо, - откликнулась я немного растерянно. Очень уж неожиданно и не к месту был его комплимент.

- Тебе он нравится? - спросил Тимур, глядя на меня сверху вниз. Тут уж я совсем растерялась.

- Кто? - тупо переспросила я. Хотя в недавней нашей перепалке с Тимуром он ясно дал понять, что догадывается, для кого я так периодически наряжаюсь в школу.

- Антон, - ответил Тимур, не сводя с меня внимательного взгляда. И я снова потерялась в его карих глазах. Так странно - они были как зеркало и действовали на меня магически. Вопрос Тимура по поводу моей симпатии прозвучал так строго, будто Макеев не терпел возражений, если я вдруг начну юлить.

- Владимирович, - машинально поправила я.

– Он тебе нравится? – повторил свой вопрос Макеев.

– Тебе-то что? – все-таки вспыхнула я. Хотела вести себя как можно безразличнее, но под этим тяжелым взглядом нельзя было расслабиться.

Тимур неопределенно пожал плечами.

– А тебе нравится? – спросила я.

– Кто? Антон? – притворно ужаснулся Макеев.

– Маша, – уточнила я.

– Сабирзянова, – зачем-то присовокупил Тимур, передразнивая меня. Он смотрел на меня теперь удивленно. Я и сама, если честно, не могла взять в толк, зачем это спросила. Вот уж точно мне до них нет никакого дела. Пускай у них там шуры-муры хоть с первого класса...

Я даже не ожидала ответа от Макеева, но он ответил:

– Мне ты нравишься.

Я нервно хихикнула:

– Ну-ну, с чего бы?

– Не веришь – не надо. – Тимур снова пожал плечами и спрыгнул с подоконника. Посмотрел на меня и вдруг улыбнулся. А я подумала о том, что, когда Макеев улыбается, становится еще симпатичнее.

Дверь кабинета географии снова открылась, и в коридор выглянул Антон Владимирович.

– Наташа, – озадаченно начал он, рассеянно оглядев нас с Макеевым. Тимур тут же перестал улыбаться и, как обычно, волком уставился на географа, а затем, ни с кем не попрощавшись, зашагал прочь, что-то насвистывая себе под нос.

– Наташа, – продолжил Антон Владимирович, – как хорошо, что вы пришли...

Слова Золотка были для меня как бальзам на душу. Куда приятнее услышать их, чем о внезапной симпатии Макеева. Приятнее ли?.. С этим я до конца не разобралась. Да и наверняка Тимур это не всерьез сказал. Вечно меня из зоны комфорта выбить хочет. Очень странный человек.

Я после слов Антона Владимировича помимо воли расплылась в довольной улыбке. Но географ меня тут же огорошил:

– Мне так неудобно перед вами, Наташа. Пригласил вас, а меня на педсовет вызвали...

– Конечно-конечно, – растерянно забормотала я.

– Вы подготовили список?

Я тут же полезла в рюкзак за списком желающих.

– Из нашего класса восемь человек точно записались, – начала я, – и из «Б» класса тоже. Близнецы Власовы, Снежана и Милана...

– Да-да, разумеется, – перебил меня Антон Владимирович. Вид у него был таким потерянным, что стало ясно: думает он о чем угодно, только не о предстоящем новогоднем походе. – Чем больше народу, тем интереснее.

– Но для вас и ответственности больше, – ввернула я. Впрочем, ничуть не сомневаясь, что Золотко со всем справится. Он педагог от бога.

Географ взял из моих рук список и пробежал его глазами.

– Вот что, – наконец сказал он. – Наташа, давайте перенесем нашу с вами встречу на понедельник.

Понедельник... Меня ждало огромное разочарование, ведь сегодня только пятница. Но сочетание слов «наша с вами встреча» мне понравилось. Звучало почти как «наше свидание».

– Да, конечно, без проблем, – снова закивала я. Лучше поздно, чем никогда. Осталось выходные пережить. А выходные всегда пролетают незаметно. Это такой закон подлости. Тем более что в субботу у Алины день рождения, и мы всей семьей должны отправиться на дачу.

– Тогда до понедельника.

– До понедельника, Антон Владимирович!

На школьном дворе я еще издалека заметила Стаса. Он курил и так пристально смотрел на меня, что мне стало не по себе. Я даже решила, что он специально меня здесь дожидается, чтобы как-нибудь отомстить. В голову тут же пришла мысль, что неплохо было бы, если б Макеев снова задержался в спортзале и опять меня спас. А потом мы, может быть, погуляли бы... Странные мысли, конечно. Слава богу, морозный зимний воздух быстро меня отрезвил, а Стас от гневных взглядов так и не перешел к активным действиям и не закопал меня где-нибудь в сугробе...

Скрипя снегом и время от времени все-таки на всякий случай оборачиваясь, я подумала, почему нам так сложно найти друзей, а вот врагов – пожалуйста, запросто.

Погода снова переменилась, и вместо снега со свинцового неба капал противный мелкий дождь.

* * *

Семейный пятничный ужин проходил в напряженной обстановке. Вернее, напряженной на нем была только я. А все потому, что на ужин остался Эдик. Еще до того, как мы сели за стол, произошла одна не очень приятная ситуация. Мама попросила меня принести красивые фарфоровые чашки из большой комнаты, все-таки у нас «дорогие гости». Эдик зачем-то увязался за мной. Вернее, это мама его отправила, сказав привычно что-то в духе: «Прими у нее чашки, а то Наташка весь сервиз мне переколотит». Мама и Алина в этот момент занимались последними приготовлениями. Отец, как обычно, задерживался и, дай бог, мог приехать только к чаепитию.

Пока я, стоя на стуле, тянулась к коробке с сервизом, Эдик топтался внизу и не сводил с меня взгляда. Хорошо, что я была в джинсах, иначе бы со стыда сгорела. Краем глаза я заметила, что Эдик пялится на мои ноги. В то время как я перебирала мамину посуду, Кравец болтал на какие-то отвлеченные темы, рассказывал, что на носу сессия и, если бы не Алина, он бы не сдал ни одного зачета. Я время от времени напряженно мычала. Слушать про его несданные зачеты мне было абсолютно неинтересно. У меня у самой на носу итоговые контрольные за первое полугодие, но я не горела желанием говорить об учебе. Точно так же, как и слушать о ней. Я бы вообще предпочла, чтобы Эдик остался на кухне, а сама уж как-нибудь донесла бы чашки... И ничего не разбила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lavrinovich_asya/zagaday-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)